В. Г. ГОЛОВАНОВА

Курс лекций по «ОСНОВАМ ФИЛОСОФИИ»

ТАШКЕНТ 1999

В. Г. ГОЛОВАНОВА

114 б/ еп

Курс лекций по «ОСНОВАМ ФИЛОСОФИИ»

ТАШКЕНТ
1999

87
Г 610

Данное пособие утверждено Министерством высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан и выпущенно при содействии Института Открытое Общество – Узбекистан – Фонд Содействия.

СОДЕРЖАНИЕ

Лекция I. ФИЛОСОФИЯ: круг проблем, особенности и функции.....3
Лекция II «Философия техники и технологии».....15
Лекция III. «Гносеология».....31
Лекция IV. «Философия любви».....41
Лекция V. «Философствование как искусство».....54
Лекция VI. «Философская поэзия востока».....60
Логемы 71
Лекция VII. «Философия мусульманского Востока». Фалсафа и ее место в мировой культуре».....76
Лекция VIII. «Методология науки».....96

430078

© В.Г. Голованова

Лекция I.

Тема: «ФИЛОСОФИЯ: круг проблем, особенности и функции»

П Л А Н

1. *Особенность научного статуса философии.*
2. *Особенности и функции философии.*
3. *Мировоззрение: его виды. Мировоззрение и идеология.*
4. *Роль философии в условиях обретения Независимости.*

1. ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО СТАТУСА ФИЛОСОФИИ

Слово «философия» (фалсафа) от греческих корней: «любить» и «мудрость». То есть по-своему происхождению, философия — это человеческая потребность к размышлению, к поиску смысла. Она возникает, когда есть вопросы, но нет ответов. Но каждое время, каждое поколение по-своему отвечает на извечные вопросы, и, следовательно, философствование это та нить, которая объединяет человечество. Потому что человек изначально интересовался, интересуется и будет интересоваться смыслом жизни.

Потребность к философствованию — это сущностная черта человека (об этом мы будем говорить специально в лекции «Человек как проблема философии»). Мы отметили, что слово «Философия» включает в себя понятие «мудрость». Что оно означает? Это не просто знание, это не только опыт. Это нечто иное по качеству. Что же? Можно объяснить на примере. Кто такой знающий, опытный человек? Понятно: тот, кто знает, как выбраться из сложной ситуации. А мудрый? Это такой человек, который в сложную ситуацию не попадает, потому что просчитывает ее заранее. Она не дана в его опыте, отсутствует в его памяти (банке данных). Он ее может спрогнозировать. Вот эта способность моделирования будущего, быстрого сопоставления возможных ситуаций, их комбинаторика, умение выбрать оптимальную линию — все это и составляет мудрость.

Особенность философии состоит в том, что она своего рода — универсальная мудрость. Что это означает? А вот что. Наука, религия и искусство — это тоже кладези многовековой мудрости.

У каждой из них есть свои ценности. Для науки высшей ценностью является ИСТИНА, ради которой ученые шли на костры, ставили опыты на себе, шли на компромисс со своей совестью (как Галилей), отрекались от власти.

Для религии высшей ценностью является идея добра. Нет ни одной религиозной конфессии, которая бы проповедовала идею зла. ДОБРО для любой религии — критерий нравственности.

Искусство человечество создало в то далекое время, когда КРАСОТА как ценность еще до конца и не осмысливалась. Но человек создавал прекрасные творения, бесполезные в быту, но необходимые для его внутренней гармонии, для его духа.

В чем же универсальность философии, если иметь в виду проблему ценностей? А в том, что философия объемлет ИСТИНУ, ДОБРО и КРАСОТУ. В философии, в ее пределах сформировались такие разделы, как гносеология — ученые о познании; такие ветви философского знания, как этика — наука о морали, эстетика — наука о прекрасном.

Таким образом, мы можем сформулировать одну из особенностей научного статуса философии: ее универсализм и изначальную синкретичность. Из ее лона за 3 тыс. лет выделились многие ветви знания.

Каковы другие отличия философского знания от нефилософского? Прежде, чем выявить отличие, остановимся на общих чертах. Общее найти всегда легче, чем особенное.

Философия — это наука об универсальных законах бытия. И как любая наука она отвечает требованиям научности. Что это значит?

Во-первых, философское знание — это не простая сумма информации, а система. Что значит система? Это значит, что философское знание — это взаимосвязь определенных истин, их упорядоченность, а не хаотическое нагромождение. Это определенная логика изложения, последовательность, непротиворечивость, доказательность (относительная).

Во-вторых, как каждая наука, философия имеет свой предмет, то есть свой круг проблем. Исторически он меняется, но основные направления философского интереса остаются. Философия — это учение об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру.

В-третьих, философия отвечает такому принципу научности как наличие законов. Каждая наука обнаруживает необходимые и существенные связи между явлениями, объектами. Физика — в природном мире, социология — в общественном. Философия также имеет дело с рядом законов, которые не исследуются никакой иной сферой знания. Это законы диалектики.

В-четвертых, статус науки определяется наличием категориального аппарата. Каждая наука имеет свои понятия, свой язык.

Философские категории — специфичны. И даже если какое-то философское понятие нам кажется знакомым, например, «материя», «движение», «закон» — то это не значит, что мы знаем его философское толкование. Нам известно его обыденное значение.

В-пятых, философия, как всякая наука, имеет свой метод познания, свой способ нахождения истины. Мы считаем таким методом диалектику.

Итак, системность, наличие предмета, законов, категорий и метода определяет философию как науку.

Однако, не все так просто. Можно встретить суждения, в которых научный статус философии отрицается. Это может быть результатом многих причин. Остановимся на одном примере, в котором, на наш взгляд, есть определенная логика.

В истории науки существует много вариантов понимания научности. Логический позитивизм разграничил научное и ненаучное знание, используя принцип ВЕРИФИКАЦИИ, т. е. подтверждение на истинность. Затем К. Поппер создал свой образ науки: водораздел между ней и ненаучным знанием прошел по особой линии — демаркации. Здесь действует принцип ФАЛЬСИФИКАЦИИ, т. е. принципиальная опровержимость любого утверждения, относимого к науке. Своего рода подтверждение на неистинность. В этом случае главным отличием науки является то, что только в ней есть рациональные способы проверки опытных суждений. Поэтому, например астрологию, К. Поппер называл псевдонаукой, поскольку астрологи разрушили проверяемость, чтобы избежать фальсификации.

Следующий этап развития научной теории — концепция Т. Куна. Он продолжил поиск демаркации между наукой и ненаукой, но в ином направлении. Для него определяющим началом развития науки был единый стиль мышления, признание сообществом ученых каких-то фундаментальных теорий, оснований, которые он назвал парадигмой. Для него решающим стал парадигмальный принцип.

Сегодня, на рубеже веков, возникает новое понимание. 1996 год был объявлен ЮНЕСКО годом толерантности, без которой невозможно выжить человечеству. Она предполагает уважительное отношение к иному мнению (чем наше). Толерантность исходит из того, что невозможно найти обоснование, которое бы было бесспорным для всех. Сегодня толерантность формирует для нас новое отношение к ненаучному знанию. Обратите внимание на саму формулировку. На смену категоричному понятию «ненаучное» знание, пришло толерантное «вненаучное». Т. е. оно сегодня находится за пределами сегодняшнего уровня науки, а не вообще вне ее.

Философия — это не только школа критического мышления, но и уникальный способ понять чужую точку зрения, сделать ее как бы своей, посмотреть с этой точки зрения на свою собст-

венную и отнестись критически к обеим. Это и есть начало мудрости.

Такое назначение философского знания подчеркивается в современных филосовских дискурсах (рассуждения). Даже сами названия современных философских книг показывают, что демаркационная линия (отделяющая научное знание от вненаучного) становится все более прозрачной. Вот несколько примеров: Многообразие вненаучного знания. Отв. Ред. И. Т. Касавин. М., 1990;

ЛЕКТОРСКИЙ В. Научное и вненаучное знание: скользящая граница. Научные и вненаучные формы мышления. М., 1995;

ОЙЗЕРМАН Т. Философия как единство научного и вненаучного знания. М., 1996;

Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, магия в интеллектуальных традициях I—XIV веков. М., 1996 и др.

Суммируя сказанное, можно следующим образом представить себе взаимосвязь между наукой, философией и вненаучным знанием. Для этого используем все обозначенные выше модели. За исходное рассуждение возьмем тезис К. Поппера о том, что «философские концепции оганически вплетены в тело науки».

Если использовать образ «тело науки», то, на наш взгляд, философия, хотя и входит органично в это «тело», все-таки имеет особенность своего бытия.

Как это представить? Обозначим два круга, которые частично наложены друг на друга. Один как бы показывает территорию научного знания, другой — философского. Совпадающие части отражают общие черты науки и философии, а несовпадающие — единичные.

Общим для научного и философского знания является системность, наличие предмета, законов, категорий, метода (у каждого — свои). В качестве единичных черт для наук можно назвать принципы верификации, фальсификации и парадигмальный. Что касается философии, то здесь разговор особый.

2. ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИИ ФИЛОСОФИИ

Мы убедились, что философия — особенная наука: у нее особый предмет (универсум), человек является центральной проблемой, особенность законов: их универсальность, т. е. проявление в природе, обществе, познании.

И еще одна особенность, связанная с научным статусом. Филисофская теория стала методом для других наук в силу специфики своих универсальных законов и универсального метода (диалектики).

В то же время, как отмечают некоторые теоретики, философии иногда недостает принципов, свойственных классическим

наукам (точным): верификационного, фальсификационного, парадигмального. Действительно, как на опыте доказать первичность материи или сознания? И можно ли найти общее основание (парадигму) для всей философии?

Мы все время говорим о философии как науке. Однако ее существенная особенность состоит в том, что она является не только наукой. Философия — еще и форма общественного сознания. Причем, что очень важно, она связана именно с теоретическим уровнем общественного сознания. Что это значит? А то, что она рационально обосновывает свои принципы. Этим философия отличается от мифологии и религии, которые основываются на вере, и апеллируют не столько к разуму, сколько к чувствам. Известно яркое признание отца церкви: «Верую, ибо абсурдно!».

Итак, мы выявили особенности философского знания. Они определяют функции философии.

1. Поскольку философия — это система знания, то здесь проявляется ее гносеологическая (познавательная) функция.

2. Та как человек является центральной проблемой, и все проблемное поле сфокусировано на целостном постижении человека, во всем многообразии его связей с Универсумом, то формируется еще одна функция — оценочная, аксиологическая (аксиология — учение о ценностях). И это прерогатива философии: ни одна наука не ставит себе таких задач. Только философия рассматривает жизнь сквозь призму оценочных суждений: что есть истина, добро, красота, справедливость и др.

3. Философия обладает методологической функцией, поисковой, помогая другим наукам в отыскании их истин на основе своей теории.

5. Являясь формой общественного сознания, философия формирует мировоззрение. Мировоззренческая функция философии — это ее фундаментальная цель. В других научных сферах она выступает как сопутствующая.

Задача философа состоит в том, чтобы, анализируя жизнь, сформировать мировоззрение, предложив методологию и аксиологию. Мировоззрение отвечает на вопрос ЧТО собой представляет действительность. Методология призвана научить человека, КАК он должен искать истину. Аксиология обозначает выбор цели: ДЛЯ ЧЕГО?

Таким образом, философия — это общая теория мира и бытия человека в нем. *(См. рис. на стр. 8).*

3. МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЕГО ВИДЫ

Слово «мировоззрение» и его эквивалент на любом языке означает целостный взгляд на мир. Или систему взглядов на мир в целом. Понятие «целостный» — очень существенно. Оно фикси-

ФИЛОСОФИЯ

Функции

мировоззренческая

методологическая

гносеологическая

аксиологическая

Особенности

Теория стала методом

универсальность

Человек - главная проблема

Особенная наука

рует внутреннее единство объекта, его самодостаточность. Что же является признаком самодостаточности, т. е. когда как говорится, «ни убавить, ни прибавить»?

Если обратиться к духовной практике человечества (науке, искусству, религии), то таким формообразующим признакам самодостаточности выступает совокупность, включающая семь позиций. Семь нот в музыкальной октаве, цветов спектра, эзотерический смысл числа «семь» в фольклоре и религии иудаизма и ислама.

Целостность воззрения на мир достигается тем, что мы рассматриваем его (и себя в нем) сквозь призму с семи гранями. (Не случайно именно семиструнная гитара дает нам возможность гармоничного звучания инструмента).

Какие же это семь граней, спектров, аспектов?

1. Как относятся между собой материальное и идеальное?
2. Какова модель мира?
3. Концепция развития.
4. Человек и его идеалы.
5. Познаваем ли мир?
6. В чем смысл жизни?
7. Отношение к чужим ценностям (ценностям иной культуры).

Возьмем, к примеру, известные молодежные песни, и мы увидим, что автор, вольно или невольно, ставит все эти вопросы.

Все пройдет: и печаль, и радость.
Все пройдет: так устроен свет.
Все пройдет, только верить надо,
Что любовь не проходит, нет.
Спой о том, как вдаль идут корабли,
Не сдаваясь бурям,
Спой о том, что ради нашей любви
Весь этот мир придуман...

Первая строчка — пример диалектического анализа, вторая — связана с концепцией объективного идеализма, четвертая — с догматизмом и т. п.

А вот пример из песни А. Макаревича:

В этом мире случайностей нет:
Каждый шаг оставляет след,
И чуда нет, и крайне редки совпаденья.

Здесь автор склоняется к фатализму, отрицая случайности. И к тому же смешивает случайное с беспричинным.

Философская культура — необходимый атрибут интеллигентного человека. К сожалению, в обыденной жизни можно услышать крайне негативное отношение к философии, возможно, из-за ее усложненного языка. Послушайте, как рассуждает персонаж поэмы А. Вознесенского:

В час разлуки, в час печальный
Мы сидели возле чайной,
Говорил друзьям об Озе, о загадках бытия,
Но внезапно черный ворон
Примешался к разговорам,
Вспыхнув синими очами,
Он сказал: «А, на фига?»

Этот вопрос задает не простая птица, а ворон, т, е. умудренный долгим жизненным опытом (ворон — не муж вороны). И тем не менее для него рассуждения о загадках бытия, т. е. философские дискурсы, не интересны. Вот вам еще одно подтверждение относительно соотношения опытности и мудрости.

Итак, отвечая на первый вопрос, мы стараемся выяснить, как соотносятся материальное и идеальное. «Семь раз отмерь», и мировоззренческая картина станет проясняться. Здесь возможен большой разброс вариантов:

материализм — признание первичности материального, так называемый **«вульгарный материализм»,** уравнивающий их, т. е. мысль рассматривается как вид материи;

субъективный идеализм — признание первичным сознания субъекта;

объективный идеализм — признание первичным сознание Бога, Абсолютного духа?

дуализм — концепция, которая вообще не ставит проблему первичности, настаивая на одновременном, независимом существовании материального и идеального.

Вторая призма, сквозь которую мы смотри на мир и видим его в своеобразном преломлении, — это МОДЕЛЬ МИРА. Мы можем смоделировать **реальную** картину мира, а можем создать **мифологическую**. Или **религиозную.**

3. Мы рассматриваем мир в статике или динамике, понимая саму динамику неоднозначно. Отсюда и наше мировоззрение будет разным: **диалектическим, метафизическим, эклектичным**. Сегодня говорят о **синергетике** как новом мировидении, когда хаос понимается как потенциальная упорядоченность и источник развития.

4. Мировоззрение — это и внутренний мир самого человека. И здесь оно приобретает черты **гуманизма, альтруизма** или наоборот **антигуманности, мизантропии.** Весь спектр **эстетических** и **нравственных** оценок характеризует мировоззрение. Причем здесь возможны многообразные сочетания. Например, гуманизм — это вера в беспредельные возможности человека. Альтруизм — бескорыстное служение людям. Следовательно, можно быть гуманистом, не будучи альтруистом.

5. Три последующих оценки (познаваем ли мир, смысл жизни и отношение к ценностям иной культуры) связаны с идеалами человека. Они как бы конкретизируют их. Отвечая на вопрос о

познаваемости мира, человек формирует мировоззрение **рационалистическое, иррациональное, мистическое. Агностицизм** как отрицание возможности познания может приобретать разные оттенки: от скептицизма до абсолютного неверия в силу разума. Мир становится для человека недосягаемым для разгадки своих тайн.

6. Такая позиция может привести к **пессимизму**, и здесь мы сталкиваемся с такой стороной мировоззрения, которая раскрывает нам понимание смысла жизни. **Фатализм** как понимание бессмысленности сопротивления, поскольку все предопределено, или **волюнтаризм** как представление о безграничной свободе воли субъекта, - все это связано с пониманием смысла жизни.

И, наоборот, мировоззрение может быть **оптимистическим**, жизнеутверждающим.

Послушайте известную песню С. Никитина "Под музыку Вивальди" и постарайтесь определить характер мировоззрения персонажа:

Под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди,
Под музыку Вивальди и вьюгу за окном.
Печалиться давайте, давайте, давайте,
Печалиться давайте, давайте об этом и о том.

Вы слышите, как жалко, как жалко, как жалко,
Вы слышите, как жалко и безнадежно как
Заплакали сеньоры, их жены и служанки,
Собаки на лежанке и дети на руках?

И стало всем так ясно, так ясно, так ясно,
Что на дворе ужасно, как на сердце у нас,
Что жизнь была **напрасной**, что жизнь была **прекрасной**,
Что все мы **будем счастливы** когда нибудь, **Бог даст!**

И только ты молчала, молчала, молчала,
И головой качала любви ушедшей в такт,
А после говорила: «Давай начнем сначала,
Давай начнем сначала, любимый мой, итак...»

Под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди,
Под музыку Вивальди и славный клавесин,
Под скрипок переливы и завыванье вьюги
Условимся **друг друга любить**, что было сил?!

Все указанные характеристики мировоззрения (объективный идеализм, диалектику, оптимизм, гуманизм, эстетизм и др.) здесь присутствуют.

6. И, наконец, такая черта мировоззрения, как терпимое отношение к ценностям иной культуры (**толерантность**) или наоборот, полное их игнорирование и отрицание, которые проявляются в **нигилизме**. *(См. рис. на стр. 12).*

Наш язык очень четко описывает наши взаимоотношения с миром, наши мировоззренческие позиции. Мы и не догадываемся о философской основе наших суждений, когда говорим «продал

МИРОВОЗЗРЕНИЕ — целостный взгляд на мир

- Отношение материального и идеального
- Модель мира
- Концепция развития
- Человек, его идеалы и место в мире
- Смысл жизни
- Познаваемость мира
- Отношение к другим ценностям

душу дьяволу» или «отдал душу Богу». Но сам подбор глаголов (продать и отдать) ясно указывает на наше отношение к той и другой силе, даже при атеистическом миропонимании.

В нашем языке масса синонимов, сходных понятий, но иногда мы смешиваем совершенно несхожие термины. Многие употребляют понятие «мировоззрение» как синоним «идеологии» и наоборот. Однако это далеко не одно и то же. Как мы уже выяснили, мировоззрение — это система взглядов на мир в целом (универсум и человек в нем). Это целостный анализ, включающий всестороннее исследование мира (в аспекте семи срезов).

Что же такое идеология?

Идеология — это определенный комплекс идей, сформированный политическими, национальными и другими интересами. Понятие «мировоззрение» шире и объемлет иной спектр вопросов.

4. РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В УСЛОВИЯХ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Чтобы рассмотреть этот вопрос, остановимся на контент-анализе программных документов. Это даст нам возможность убедиться в философском мировидении идеологов независимости.

«Каждая страна, добившаяся независимости, искала свой путь развития... Это предопределялось социально-политической ситуацией, отношениями между людьми, их **мировоззрением**» (Каримов И. А. Узбекистан: свой путь обновления и прогресса. Т., 1992, с. 8). Уже в самых первых теоретических обобщениях (обратите внимание на одной из первых страниц) речь идет о философской категории — мировоззрении.

Идеология независимости ставит целью — построение гражданского, правового, демократического общества. А решение этой задачи напрямую зависит от менталитета народа, черты которого «сформировались под воздействием философии Востока, философии просвещенного ислама» (там же, стр. 2).

На пороге XXI века идет процесс «реформирования **мировоззрения**», оно изменяется под воздействием «прогресса в области информации и коммуникации» (там же).

Рассматривая угрозы безопасности, мы находим решение проблем с помощью философских дискурсов: «**Весь мир един и взаимосвязан**. В современном мире все сбалансировано. Неразрывны экология среды обитания, природы и экология духовности» (там же, стр. 63).

Создавая модель развития суверенного Узбекистана, наши теоретики исходили из диалектики общего и особенного: «Несмотря на всеобъемлющие процессы интеграции, в мире не было и нет идентичных по структуре государств, каждое государство уникально».

Хотя некоторые современные теоретики говорят о «рыночном фундаментализме», мы полагаем, что «переход к рынку неизбежен». Это веление времени, **объективная реальность**... рынок — средство формирования новых ценностей, достижения **качественно** иного уровня».

Анализ процесса построения нового общества, его стратегия строится на основе законов диалектики. «...обращаясь к **новому**, следует бережно относиться к добытому прежде. Сначала строить новое, проверить его на деле, да и потом не ломать, а **по-новому применить испытанное**».

Философский анализ общества мы видим в трактовке объективности и познаваемости его законов: «процесс демократизации развивается по своим **объективным законам**, их следует **познать**», а **«необходимость** преобразований должна быть **осознана** обществом».

Особенно подчеркивается роль познания: «и все должны однозначно понять, что построение общества с развитыми рыночными отношениями — это длительный процесс, требующий **постоянного глубокого осмысления**».

Лекция II.

Тема: «ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИИ»

П Л А Н:

1. *Актуальность темы. История проблемы.*
2. *Сущность техники, природа технического знания, структура техники. Техника и технология.*
3. *Этапы развития техники.*
4. *Влияние техники на духовную жизнь.*

1. АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ. ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ.

Сегодня у нас состоится обсуждение темы «Философия техники и технологии». Прежде всего давайте обговорим границы той области, которую затрагивает эта тема.

Философский анализ — это целостное исследовние. Поэтому следует выяснить онтологические, гносеологические, нравственные и эстетические основания этакого феномена, как техника. И обязательно прежде всего уяснить, почему общество стало интересоваться этой проблемой. И когда эта тема оформилась как проблема.

Проблемное поле философии техники очень широко. Его можно условно разделить на три большие части: собственно философская, нравственная и эстетическая. А сами эти разделы связаны с такими вопросами, как:

1) методология и философия науки.
2) философская антропология.

Как вам видится эта взаимосвязь?

В рамках философской методологии рассматриваются вопросы:

— что такое техника,
— какова ее история,
— в чем специфка технического знания и умения (ведь именно здесь возникло понимание технологического знания как ценности «know how»),
— какова связь науки и техники.

В пределах же философской антропологии появляются вопросы:

— что техника может дать человеку и чего лишить (техника в контексте глобальных проблем);

— техническое образование, воспитание, поведение;
— роль человека в использовании, распространении технического знания, рационального осмысления пределов технического роста;
— формирование системы ценностей,
— сочетание интеллектуальных нравственных, эстетических начал.

Эти вопросы и составляют наш план. Остановимся на первом: когда возникла потребность в философском осмыслении техники.

Понятие «философия техники» возникло давно. Его рождение связывают с появлением на Западе в 1777 году книги И. Бэкмана «Руководство по технологии». Сам же термин был введен в научный обиход столетие спустя — в 1877 году в книге Э. Канна «Основания философии техники». В России впервые подобное исследование вышло в 1912 году. Это была книга П. Энгельмейера «Философия техники».

Собственно философская рефлексия по поводу системы искусственных органов человеческой практики началась еще раньше — в XI веке. А в конце XX века это направление переживает настоящий бум. В Германии выходит ежегодник «Философия техники» (51). В учебниках этой проблеме выделяют специальные разделы (52—58). А Международные философские форумы рассматривают эти вопросы на специальных секциях. Журналы уделяют им повышенное внимание. Как, по вашему, можно объяснить этот интерес?

Это спорный вопрос. Так же, как и в свое время о месте техники в философском анализе. В 1120 году философия была разделена на четыре части (теоретическую, практическую, механическую и логическую), и, как видим, механическая расценивалась приоритетнее логической. А у И. Ньютона механика вообще вышла на первое место, став средоточием философии. Сейчас философия техники стала относительно самостоятельной областью, но не менее значимой, чем традиционные онтология и гносеология.

Здесь тоже есть противоположные подходы. У одних мы находим моменты сакрализации техники, у других — десакрализации. Например, германский теолог середины XX века Р. Дворак считал, что техника — это неуклюжая попытка дьявола повторить акт божественного творения. Т. е. техника приобретает инфернальный характер. Однако у всех точек зрения есть общее: они трактуют технику как то, при помощи чего человек преобразует природу, самого себя и общество. Т. е. техника имеет фундаментальное атрибутивное свойство — принцип преобразования.

При всех огромных успехах техники жизнь человека, в основном, не стала безопаснее и счастливее, здоровее и благополучнее. Более того, ученых, политиков, писателей волнует вопрос о роли, роботизации, о возрастающих техногенных катастрофах.

Мир как бы разделился в своей оценке техники. На одном полюсе технофобы, на другом — технократы. Эти противоположные оценки свидетельствуют о наличии противоречий. Гегель в свое время заметил, что наличие противоречий есть критерий истины, а отсутствие противоречий — это критерий заблуждения. Значит, мы тоже — в поисках истины.

Итак, мы, подошли к пониманию социальной сущности техники. Индивидуальные орудия труда нельзя отнести к технике в полном смысле слова. Они были штучным товаром, скорее произведением искусства на заре своего появления. А в чем же тогда их социальность?

Здесь надо сказать о двух социальных моментах.

1. Создание любого орудия труда — это результат всего предшествующего знания.

2. Орудие использовали для того, чтобы сделать нужное не только владельцу, но и обществу.

У Ясперса есть интересные суждения относительно того, что именно можно назвать техникой. Например, непосредственная деятельность, подобно дыханию, не может быть названа техников. И лишь в том случае, когда эти процессы совершаются неверно, предпринимаются намеренные действия, вот тогда мы говорим о технике дыхания.

Я не согласна с Ясперсом вот в каком отношении. Он оценивал технику как способность делать и обладать, а не созидать. Применяя силы природы против самой природы, техника господствует над природой посредством ее самой. Поэтому, делал вывод Ясперс, знание — это власть. Я больше согласна с Ф. Бэконом в том, что знание — это сила. Французский теоретик Ж. Эллюль в своей книге «Техника» стремился рассмотреть ее как особый феномен. По его мнению, сущность техники кроется не в ней самой. Ее онтологическая природа раскрывается через рассмотрение духовных особенностей современного мира. Он различает машину и технику. Техника как социальное явление порождена машиной, но они не тождественны. Машина не является сущностью техники.

Техника представляет собой качественно новую ценность. Я не согласна с мнением К. Ясперса, что техника связана со всеобщей рационализацией мира, в ходе которой происходит вытеснение эмоциональных моментов.

Американский теоретик Х. Сколимовски заинтересован в вопросе — всегда ли развитие техники сопряжено с культурными мутациями и склоняется к тому, что философию техники надо истолковывать как философию человека. Действительно, нельзя понять феномен технологических переворотов, оставаясь в русле истории машин и технологий. Надо погрузиться в сферу гуманизации техники.

43078
БИБЛИОТЕКА СНИ

2. СУЩНОСТЬ ТЕХНИКИ. ПРИРОДА ТЕХНИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. СТРУКТУРА ТЕХНИКИ. ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИЯ.

Система человек-техника возникла до того, как сформировалась система техники. А она в свою очередь стала результатом машинного производства орудий труда. Причем, как заметил О. Шпенглер, «важно не то, как сделана вещь, а то, что с нею можно сделать». Поэтому система технии включает много вопросов. Американский ученый Х. Сколимовски пишет: «философия техники — это философия нашей культуры, философия человека в цивилизации, увидевшей себя в тупике».

Мне представляется, что надо поразмыслить над таким вопросом: какие в истории были способы передачи образцов технологии. Думаю, что здесь надо выделить способ «делай, как я».

Это было живое общение, и в этом его достоинство. Но здесь же содержался и возможный недостаток — догматизм, боязнь превзойти — мастера. В восточной культуре этот способ так и называется — «у ног Учителя». И не выше.

Важно, чтобы принцип «делай, как я» не переродился в принцип «делай, как я говорю».

Как раз такое перерождение стало возможным, когда сформировался второй способ передачи образцов технологии. Это такой вариант, когда передача опыта шла не прямо, а с использованием норм, запретов. Этот способ можно обозначить, как «Делай так!».

Иногда запрет становится абсолютным. Например, знаменитое предписание Гиппократа «Не навреди!».

Эта мысль — о возможном вреде человеческого изобретения отразилась и в легендах. Например, почему античный бог наказал Прометея, научившего людей, добывать огонь? Считалось, что владея этой технологией, люди могут впасть в грех высокомерия, ощутив себя богоподобными. Но, возможно, Зевс, как это и положено богу, предвидел опасность технического прогресса?

Истоки понятия «техника» и его эволюция — один из важных вопросов нашей беседы. В античности к области «технэ» относили все роды деятельности. Аристотель в «Никомаховой этике» рассматривал «технэ» рядом с «empeireia» (опытным знанием) и «episteme» (теоретическим знанием). Техническое знание накопилось как знание о том, что раньше не существовало, но было сделано. Теоретическое же знание было обращено к объективно существовавшему. И в этом разница. В XVII веке термин «technika ars» означил искусство умелого производства. Французы называли его «techique», а немцы «technic». Всем это понятие было ведомо, но со временем оно, наполнялось новым содержанием.

Рассмотрим вопрос о сущности техники.

Техника — это способ достигать наибольшего результата при наименьшей затрате сил. Техника — всегда орудие, а не цель.

Более века человека определяли как животное, изготовляющее орудия труда. Но ведь чтобы делать орудия, не требуется развитый черепно-мозговой аппарат. Далее. Ведь интерес к орудиям свойственен и животным. И некоторые животные более изобретательны, чем человек, например, в создании гнёзд, бобровых плотин, муравейников, термитников. По сравнению с ними, человек — безнадёжный неудачник.

Действительно, человека отличало от других наличие ума и особого тела, которое не предназначено для одной какой-то деятельности. Человек — это не животное, использующее и изготовляющее орудия. Он использует свой ум. Он не только homo faber, т. е. человек умелый, но и homo sapiens, т. е. человек рузумный.

Примитивная техника была не столько ориентирована на труд, сколько на жизнь. Вспомните такие смелые технические эксперименты, как анатомические изменения или внешняя отделка человеческого тела. Они не имели никакого отношения к овладению внешней природой. Человек изменял свою внешность для внешней выразительности, божественной или групповой идентификации. И эта медицинская, косметическая и постижерская техника была очень виртуозна.

Так что же такое техника как феномен?

Есть разные толкования. Например. Э. Капп полагает, что техника — это проекция органов человека на природный материал. Л. Ф. Дессауэр приходит к выводу, что техника имеет автономный смысл. Т. е. существуют предустановленные технические идеи, которые не рождаются в человеческом разуме, а лишь улавливаются им. Поэтому мы и говорим, что «идеи носятся в воздухе». Это мысли Бога.

До XVIII века все делалось с использованием мускульной силы человека, с привлечением сил природы. Но человек не выходил за пределы естественной среды. Все изменилось с конца XVIII века. Какие у вас на этот счет есть объяснения?

Произошел скачок в развитии техники. Возникла необходимость изобрести такие механизмы, силою который работали бы машины. И в 1776 году была сконструирована техническая новинка — паровой двигатель. Этот год стал поворотным. А в 1867 году на смену ему пришел электромотор — динамомашина.

А почему такое развитие техники стало возможным именно в этот период, не раньше, не позже? Этому способствовала наука.

Каково сегодняшнее понимание техники?

Это, во-первых, область знания, которая является связующим звеном между эмпирическим и теоретическим знанием.

Во-вторых, это область человеческой деятельности, которая направлена на изменение природы.

В-третьих, это совокупность умений и навыков, составляющих профессиональные особенности, его искусство и мастерство.

Давайте рассмотрим вопрос о природе технического знания.

Этим занимается методология техники, которую интересуют объекты и цели техники. Они могут быть поняты при историческом анализе. Выделяют, например, такой период, как 1660—1750 годы. И обращают внимание на механическую картину мира, господствовавшую тогда. Была отмечена ориентация науки на технику, которая проявлялась в значительном развитии техники научного инструментария. А в середине XVIII века наука и техника разделились институционально. В технике стали преобладать гениальные изобретения, самоучки от Уайта до Эдисона.

В XX же веке начался процесс онаучивания техники — сциентизации. Наука создает новые технологии, которые не под силу разработать отдельным изобретателям.

Чем же отличается природа технического знания?

Ф. Рапп полагает, что техническое знание отличается более сложной системной организацией, поскольку объекты техники — искусственные. Научное знание — универсально, оно подвергается подтверждению на практике.

Как можно понять природу техники в сравнении с искусством?

До начала Нового времени различали семь механических искусств «artes mechanical» и семь свободных искусств «artes liberalis». Немецкий философ Х. Бек полагает, что сравнение с искусством помогает точнее раскрыть сущность техники. Строительная техника отличается от строительного искусства, техника живописи — от искусства живописи, техника любви — от искусства любви, военная техника — от военного искусства. Общее у них — изменить естественное (материал или состояние). Отличие заключается в том, что в искусстве цель — выразить идею, а в технике — речь идет об использовании природы, о преобразовании ее. Если в искусстве основной критерий — прекрасное, то в технике — полезное.

Работу мастера в Средние века называли не вещь, а «опус», т. е. произведение. Сущность мастера была магической. В его произведении всегда был момент искушения. И в античности греки, например, строили не только по плану, творческой воле и чертежу, но еще и по велению сердца, с помощью магических приемов.

Есть обычай, строителей древней Эллады завещанный:
если строишь ты дом, то в особенно солнечный день
должен ты против солнца поставить любимую женщину,
а потом начинать, первый камень кладя в ее тень.
И тогда этот дом не рассохнется, и не развалится:
станут рушиться горы хрипя, а ему ничего,
и не будет в нем злобы, нечестности, жадности, зависти,
тень любимой твоей охранит этот дом от всего!

(Евг. Евтушенко).

В Средние века произошло дисциплинарное оформление разных способов профессионального знания. Возникло деление людей по цехам. А в нем многоступенчатое профессиональное бытие: ученик — подмастерье — мастер. До, сих пор в балетном искусстве ежедневно устраивается «Мастер-класс». В XI веке выделили механику как искусство. В XII веке появились первые трактаты о ней, так как требовало своего обоснования часовое дело, водяные и ветряные мельницы, красильное производств, производство очков, кораблестроение, градостроительство и военное дело.

Механика была выделена из теологии и обеспечила себе место в философии, поскольку «направлялась мудростью», а не верой. В XII веке философ дисциплинарно отмежевался от теологии, которая сделала предметом изучения только веру.

Но, например, Гуго Сен Викторский полагал, что механические искусства – подражательные, потому что труд мастера – это заимствование у природы. И это не свободная деятельность и поэтому ею занимаются лишь дети неблагородных родителей, плебеи.

Но все-таки более гуманной была точка зрения, что в технике выражается событие, т. е. бытие двоих: Бога и Мастера (событие). М. Булгаков назвал свой роман «Мастер и Маргарита». Софисты были первыми мастерами философской аргументации. «Sofistas» — означало «мастер, изобретатель, мудрец, художник».

Давайте поразмыслим над вопросом — в чем генезис техники? Каков ее онтологический статус? Архетипичны ли технические нововведения или в них воплощено принципиально новое?

Известно, что музыкальные инструменты создавались в подражание природе: **ударные** (барабан) — под впечатлением удара камней друг о друга; **духовые** — когда человек услышал звуки, исходящие из морской раковины; **струнные** — рожденные вибрацией лука, выпустившего стрелу.

В середине XX века философы стали исследовать проблемы феноменологии техники. М. Хайдеггер определял ее как способ самореализации человека. И считал, что она первична по отношению к обществу. Он полагал, что техника не только конструирует технический мир, но и подчиняет себе все пространство бытия. М. Хайдеггер, по-моему, был прав, когда определял технику как универсальную, ценность. Он даже несколько завышал ее статус, сопоставляя ее с истиной. Это, конечно, натяжка, хотя надо согласиться, что техника помогает обнаружить смысл бытия, т. е. то, что сегодня скрыто.

В своем докладе «Поворот», сделанном в середине века, М. Хайдеггер говорил, что не техника находится в руках человека, а человек «выдан» технике, «затребован» ею. И в этом истоки опасности для человека.

Я хочу ознакомить вас и с другой точкой зрения, которая принадлежит К. Ясперсу: техника — это совокупность действий человека, направленных на господство над природой. Она позволяет снять бремя нужды.

Но она и подчиняет человека себе. Например, она превратила природу в единую фабрику и оторвала человека от почвы.

О резервах гуманизации техники хорошо пишет Олвин Тоффлер. Он полагает, что развитие техники идет рывками. Например, почему век информации начался сегодня, а не сто лет назад? И отвечает сам следующим образом. В середине XX века возникло множество типов техники, что вызвало дробность показателей, которая привела к появлению информатики.

Одновременно появился запрос на новую технологию. Но что порождает грандиозные технологические сдвиги. Общество развивается волнообразно:

традиционно-аргарное,

индустриальное,

информационное.

А оно приведет человечество опять к доиндустриальной цивилизации, но уже на новой технологической основе.

Первая волна — аграрная, вторая — промышленная, третья — в основе которой лежит электроника, космос, биоиндустрия. Мир заболевает технической «болезнью» — фетишизацией размеров.

Рассмотрим проблемы антропологии техники. В своей книге «Другая революция» Ж. Эллюль отметил: «мы живем в техническом мире. Природа уже не есть наше живописное окружение. Это новая вселенная — Машина. Техника сама становится средой». Об этом пишут философы политики, экономисты, поэты. «Все меньше окружающей природы, все больше окружающей среды». В чем негативные последствия для человека этой технизации среды обитания?

Техника окружает нас, как кокон, без просветов. Но в отличие от личинки, мы не можем развиваться в изолированном коконе. И к тому же техника стандартизирует человека. А он уникален. Чем кончается для человека насильственная попытка стандартизации, видно по античной легенде о прокрустовом ложе.

М. Хайдеггер предупреждал, что мы попадаем в самый злой плен к технике, когда видим в ней нейтральное. У нас вошло в привычку инструментальное понимание техники. Технику наших дней отличает особый характер процесса раскрывания этих тайн. Техника изменяет наше отношение к миру.

В. Розанов, отражая идеи русского религиозного ренессанса, писал, что «техника присоединилась к душе, дала ей всемогущество. Но она же ее и раздавила. Появилась техническая душа. И вдохновение умерло».

А как можно сконструировать технику функционально?

Пассивная техника включает в себя производственные помещения, сооружения, средства связи (дороги, каналы, мосты и т. п.), средства распространения информации.

Активная техника включает в себя орудия труда, как ручного так и умственного; сюда относятся, например, такие аппараты,

которые обеспечивают жизнедеятельность человека (например, протезы).

Техника развивается разными путями. Например, один путь — это передача технологических функций орудиям. Другой путь — это превращение природных процессов в технологические. В свое время М. Хайдеггер заметил, что раньше Рейн кормил людей и радовал их своей красотой. А теперь он стал производственным объектом, так как его главная задача — судоходство и поставка энергии.

Здесь таятся опасности для человечества — создавая новую систему «человек — техника — окружающая среда», оно скорее руководствовалось волей, чем разумом. Ведь природа является единственным источником развития. Для человека им стала еще и саморазвивающаяся культура.

Существование человека в единстве с окружающей средой можно описать как саморазвитие. Человек приспосабливается к окружающей среде, но она именяется в результате его деятельности. Самоадаптация сегодня приобретает важнейшую роль. Мы уже говорим о технологии самоадаптации, т. е. о культуре жизни в созданной среде.

Наше время называют техногенным или индустриальной цивилизацией. Но ведь не весь мир пребывает в этой стадии развития. При оценке истории нельзя рассуждать по принципу кораблевождения, когда говорят, что скорость эскадры надо определять по скорости последнего корабля. В истории следует судить по тому рубежу, который достигли лидеры.

Как же дифференцировать технику и технологию?

Техника — это то, что человек воздействует на объекты, изменяя их. Технология же — это, как именно он воздействует.

Но технология это тоже своего рода техника. Например, когда говорят «остальное — дело техники», подразумевают именно то, как происходит процесс. Или когда на конкурсах фигуристов выставляют первую оценку за технику исполнения, обращают внимание и на фигуры, и на чистоту катания, и на наклон конька ко льду и т. д.

3. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНИКИ

Всякий анализ предполагает логическое, диалектическое и историческое исследование. Какие исторические этапы в развитии техники вам известны?

Мы живем в техносфере, т. е. технизированном пространстве и времени, которая возникла не вдруг. Выделяют такие этапы ее становления: зоотехническая (1000—1750), в основе которой лежала технология воды и дерева. сторая — «палеотехническая» (от второй половины XVIII века до середины XIX опиралась на уголь и железо. Третья — неотехническая» (современная) использует

электричество и сплавы. В основу этой периодизации Л. Мамфорд положен вид энергии. Есть другая классификация. Она основана на типе труда. И. Сунягин полагает, что древняя техника носила разрушительный характер, потому что охота и собирательство были присваивающим способом отношения к природе.

Земледельческая практика уже породила моменты конструктивности. Именно здесь появились технические элементы. Самый, большой прорыв в технике сделало Средневековье, создав часы, стекло и книгопечатание.

Почему именно эти три изобретения, ведь в это время было создано так много технических шедевров? Нотная грамота, например.

Часы позволили человеку выйти из природных циклов, из органического, естественного времени. Они позволили человеку уплотнить время, подчинить его ритмам своей деятельности. А главное — осознать его необратимость. Время стало богатством. «Время — деньги» — это не только девиз американского прагматизма. (Б. Франклин).

Стекло помогло понять однородность пространства, которое утеряло свою таинственность. А печатный станок изменил всю систему коммуникации. Возникло то, что мы называем «Галактикой Гугенберга».

Такая переодизация фиксирует наше внимание на том, как технические новшества изменяют человеческую ментальность.

Можно напомнить и о других подходах, которые как бы объединяют подходы Л. Мамфорда и И. Сунягина. Например, М. Борн полагал, что решающим фактором перехода к новым рубежам являлся вид энергии, кардинально меняющий жизнь. Он делил историю на два этапа: от Адама до наших дней, и от момента, когда человек, научился пользоваться атомной энергией. Но ведь понятие «мирный атом» многие расценивают как алогизм, типа «желтый логарифм».

Сейчас все настойчивее звучат идеи о таком виде энергии, как псиэнергия, биополе человека. Правда, технология ее использования еще никому не ведоа, хотя человек уже пользуется ее плодами.

В наше время техника и технология — чрезвычайно наукоемки. Сама интеллектуальная деятельность подвергается технологизации. Компьютерная технология расширяет возможности мыслительных актов, разгружает память. Как это может отразиться на социальном бытии?

Уже сейчас в промышленности остается все меньше синих воротничков (рабочих) зато все больше становится белых воротничков (специалистов). Возникает новый слой рабочих с высокой интеллектуальной квалификацией. О. Тоффлер называет их «котнетариат».

4. ВЛИЯНИЕ ТЕХНИКИ НА ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ

Какие изменения возможны в духовно-культурной сфере?

Информационная технология станет мощным генератором культурных сдвигов. Электронные средства индивидуального пользования позволят любому человеку получать необходимую информацию. Это изменит характер массовой культуры, образования. В самой культуре будут происходить два противоположных явления — массификация и демассификация.

Затронет ли информационная революция сферу политических отношений?

Здесь тоже влияние диалектично. С одной стороны, возникнет возможность для каждого человека непосредственно участвовать в событиях. Это безусловно способствует развитию демократии. Но вместе с тем возрастает возможность всеохватывающего контроля со стороны власти над людьми. И, главное, появится возможность манипулирования.

В дебатах между Никсоном и Кеннеди (1960 г.), по всеобщему мнению, Никсон проиграл уже сами дебаты, которые транслировались по телевидению. Оно безжалостно выставило на всеобщее обозрение его внешние недостатки, которых не воспринимали радиослушатели, а, телевизионная камера фиксировала безжалостно. Позы, которые принимал Никсон, нервная испарина на лбу не могли вызвать к нему симпатии, хотя аргументы его были убедительны. Радиослушатели сначала отдали ему предпочтение, но после теледебатов их симпатии перешли к Кеннеди. Техника телевизионного вещания помешала зрителям вникнуть в суть программы Никсона, и они предпочли конкуроента, которому телеэран помог усилить природный имидж.

В мире вместе с компьютеризацией входит и новый вид реальности – виртуальная реальность, искусственная псевдосреда, с которой можно общаться, как с подлинной. Она оказывает мощное и пока непредсказуемое воздействие на психику, мышление человека.

Уже созданы Школа изобретательского творчества под руководством Г. Альтшулера. Она была открыта в 1972 году и только за 10 лет работы слушатели получили 4 тыс. авторских свидетельств.

С приближением XXI века человечество все чаще задает вопрос: «Куда мы идем?». Какие вы знаете суждения этого плана?

Древневосточные мудрецы говорили, что «смысл жизни столь же недоступен человеку, сколь движение царских колесниц скорпионам, которые гибнут под их колесами».

Проблема будущего философская. И здесь соотношение техники и будущего актуально. Например, японцы составили прогноз возможного развития техники и технологии до 2010 года. На 2002 год обозначено открытие процессов управления озоновым слоем. К 2003 году создадут микроавтомобили на керамических двигателях,

медицинская техника позволит производить осмотр больных на дому. Работа на дому станет обычной практикой. Будут созданы инсулин в таблетках и электромобили.

В 2005 году инженеры научатся конструировать структуру твердых тел на атомном уровне. Сахар будет производиться путем искусственного фотосинтеза. Будут созданы производственные линии для использования труда стариков и инвалидов. К 2008 году будет создана система автоматического перевода при междугородных телефонных переговорах. К 2009 гоуд в тело пациента научатся вживлять искусственное сердце. К 2010 году будут изучены механизмы вживлять искусственное сердце. К 2010 году будут изучены механизмы человеческой памяти, узнавания и обучения. Будет создан нейрокомпьютер. Как говорится, поживем-увидим.

Есть очень важный аспект философии техники — это вопрос о том, что такое цивилизация, какова ее связь с культурой. Какие у вас будут суждения?

Понятие «цивилизация» впервые возникло во Франции в XVIII веке и обозначало разумное общество. В XIX веке возникло этнографическое понимание: считалось, что у каждого народа своя цивилизация. Философы полагали, что возникнет Цивилизация, в которой локальные цивилизации сольются. В этом смысле цивилизация понималась как прогресс человечества в целом.

Но было и друное понимание цивилизации как социокультурного феномена, основу которого составляют четко выраженные параметры технологического развития. Так считал, например, М. Вебер.

В истории философии И. Кант противопоставлял понятия «культура» и «цивилизация». О. Шпенглер понимал цивилизацию как совокупность технико-механических элементов и оценивал как заключительный этап культуры.

Мы живем в техногенном мире. История человечества знает еще и другую стадию — традиционное общество. Чем они отличаются?

Традиционное общество имеет консервативные тенденции. У них есть инновации, но они очень медленно входят в жизнь. Приоритет отдается устойчивым стереотипам. Инновация не воспринимается как высшая ценность. В древности — это Индия, Китай, Египет, а сегодня — страны третьего мира.

В техногенной организации темп социальных изменений раскручивается с огромной скоростью. Возникает новая система ценностей. Сама инновация считается ценностью.

Символом техногенного общества стала Книга рекордов Гинесса. Например, в 1998 году Абдель Азис Хаттаб создал Супер-коран весом 10 тонн, 450 страниц которого изготовлены из меди. Прочитать книгу можно только с помощью компьютера, приводящего в действие механизм, который перелистывает страницы размером 1,4 х 1 м. Синхронно звучит сам текст.

В древности было всего 7 чудес света. А «книга» показывает, что каждый может стать единственным, оригинальным. 7 чудес света показывали, что мир завершен, все грандиозное уже свершилось. Когда же началась техногенная цивилизация?

Она возникла задолго до паровой машины. Ее преддверие — античнгая культура, которая дала миру теоритические знания. Затем Средневековье с его культом человеческого разума, способного постичь тайну Божественного творения. Ренессанс заложил культурную матрицу техногенной цивилизации, которая начала свое собственное развитие в XVII веке.

Это был период наивысшего расцвета механики, она даже расценивалась как универсальная наука. Томас Гоббс описывал в книге «Левиафан» государство как своего рода машину, в которой граждане изображены в виде шестеренок. Жюльен Ламетри полагал, что даже душа это привод автомата. Адам Смит объяснял механизмы рынка силой, сходной со всемирным тяготением.

Современное техническое творчество втягивает в орбиту человеческой деятельности новые типы объектов, которые представляют собой саморазвивающиеся системы. Они характеризуются синертетическими эффектами. Что это означает?

Это означает, что преобразование и контроль за ними уже не может осуществляться только за счет силового воздеуствия на них. Простое силовое воздействие на систему приводит к тому, что она сбивается к прежним структурам, а новые структуры могут не возникнуть.

Чтобы вызвать их к жизни, необходим особый способ действия: В точках бифуркации иногда достаточно произвести небольшое энергетическое воздействие — «укол», чтобы система перестроилась и возник новый уровень организации.

Взаимодействие человека с саморазвивающейся синергетической системой, каковой является мир техники, протекает так, что само человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя поле ее возможных состояний. Человек уже не просто противостоит объекту а превращается в составную часть системы, которую он изменяет.

Возникает созвездие возможностей и проблема выбора линий развития. Сам этот выбор не может быть однозначно просчитан. Поэтому особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия где содержатся катастрофы.

С синергетическими системами сегодня мы сталкиваемся в самых разных областях технического прогресса. Они начинают занимать центральное место. Инженерная деятельность имеет дело не просто с техническим устройством, а со сложными системными комплексами, в которых технологический процесс является необходимым компонентом.

Биосфера — тоже самоорганизующаяся система с синергетическими характеристиками. И потому технологические инновации

уже нельзя представлять как переделку природного материала, который противостоит человеку. Если человек включен в биосферу как саморазвивающуся систему, то его деятельность может отрезонировать во все участки системы и вызвать ее катастрофическую перестройку как целого. Поведение таких систем не укладывается в старые схемы.

Значит человек должен рассматривать свою технологическую деятельность не как переделку нейтрального материала природы, а как трансплантацию протеза в живой организм. Биосфера также откликается на наши технологические инновации. Такое понимание было известно на Востоке, где родилась этика ненасилия. В Индийской философии — мир — это живое тело, и всякое действие требует нравственных оснований. Человечество от старого менталитета техногенной цивилизации переходит к новому видению мира. И техники в этом мире.

Однако, когда мы ищем технике нетехническое обоснование, мы склоняемся к оптимистической оценке ее перспектив в культуре. Ведь она не только воздает средство для достижения цели, но и сама приводит к открытиям. Творческий характер техники проявляется в том, что дух изобретательства творит и вне рамок науки: фарфор, шелк, бумага, как и бумеранг, компас, порох — были изобретены без научного обоснования.

Отношения между техников и наукой невозможно предвидеть. Чтобы новые научные открытия были использованы в технике, нужно техническое прозрение. Но и научные выводы делаются на основе упреждающих технических изобретений. Одна из закономерностей научно-технического прогресса состоит в том, что время от времени техника как бы устремляется в новое русло, отрываясь от своих классических канонов.

Синергетика, как новое мировидение, помогает понять нелинейный характер развития техники. Когда в чашку с чаем, которая была подана китайской императрице, случайно попал кокон и нить его сразу распустилась в горячей влаге, был найден технологический прием, развивший шелководство. А если бы кокон упал в чашку не императрицы, а императора? Проявил бы глава государства любознательность или велел отрубить голову нерасторопному слуге? И как пошло бы дальнейшее развитие шелководства?

И здесь мы выходим на другой уровень философского осмысления — техники ее связь со свободой, открытостью и функционированием в закрытом обществе. Арабские цифры были изобретены во 2 веке до н. э., но еще в XVIII веке они были запрещены в Австро-Венгрии. На сколько веков затормозилась научная мысль Европы из-за идеологических запретов, касающихся только техники исчисления!

Свобода высказывания мнения, в том числе и технического, показатель открытости общества. Свобода обмена идеями, свобода от авторитета, в том числе и в сфере техники. Понимание этого

обеспечило еще в 1930-е годы создание А. Осборном метода брейнсторминга, мозгового штурма, возможность найти новое, нетривиальное техническое решение путем свободного высказывания. Говорят, что когда А. Эйнштейна спросили, как делаются открытия, он якобы ответил: «Очень просто. Все знают, что это сделать невозможно. Случайно находится один невежда, которой этого не знает. Он-то и делает открытие».

Свобода является условием инженерного творчества. Как писал Гегель «в творчестве происходит очищение духа от несвободы». Как вы расцениваете такие факты, когда изобретение, создавалось в условиях тюремного заключения?

У Даниила Андреева в романе «Роза мира» есть интересный ответ. «Как я могу не преклоняться с благодарностью перед судьбой, приведшей меня на десятилетия в те условия, которые проклинаются почти всеми, их испытавшими, но которые послужили могучим средством к приоткрытию духовных органов моего существа? Именно в тюрьме, с ее изоляцией от внешнего мира, с ее неограниченным досугом, с ее полуторатысячью ночей, проведенных в бодрствовании, лежа на нарах — именно в тюрьме начался для меня новый этап метаисторического и трансфизического сознания».

Отсутствие свободы, как это ни парадоксально, иногда стимулирует творческий поиск. Например, много изобретений было сделано монахами, которые почти полностью были лишены личной свободы. Известно, что монахи доминиканского ордена изобрели игру, которую назвали «домино». В XIII веке монах В. де Оннекур придумал лифт. Правда, это изобретение было вызвано потребностью поднимать наверх бочки с монастырским вином. Но были и духовные потребности. В IX веке монах Гвидо д'Арецо создал технику нотной записи.

В середине XIX века немецкий офицер. В. Сименс за дуэль был посажен в тюрьму, в которой он добился разрешения устроить химическую лабораторию. А когда его помиловали и он должен был вернуться в полк, где он не смог бы заниматься изобретательством, он попросил оставить его в тюрьме. Но его выдворили насильно, и кто знает каких изобретений лишилась техника, даровав ему свободу.

Парадоксальность инженерного поиска (отсутствие свободы как оптимальное условие) подтверждается практикой. Первый чертеж ракетного двигателя был сделан за два десятилетия до К. Э. Циолковского на стене камеры Петропавловской крепости Н. И. Кибальчичем. (Он изготовил бомбу, которой 1 марта 1881 года был убит царь Александр II).

И вот еще один парадокс: именно изготовляя бомбу, готовя террористический акт, мысль изобретателя достигает высот — он задумывается над полетами в безвоздушном пространстве. Видимо, нет связи между идеей убийства и космонавтикой, хотя, может быть, именно мысль об отлетающей душе монарха подсознательно

вывела рассуждения Кибальчича на вопрос, куда она отлетает и что ею движет. Скорее всего здесь мы имеем дело с особенностью инженерной деятельности — «думать около», т. е. размышлять одновременно в совершенно разных направлениях.

Возможно в таких экстремальных условиях (ведь Н. И. Кибальчич был вскоре повешен) мозг работает в ускоренномр режиме.

Трагические коллизии жизни, как это ни парадоксально, благотворно влияют на изобретательсто, так и на талант вообще. В 10-летнем возрасте К. Э. Циолковский оглох после скарлатины. Это отдалило его от сверстников, и он пристрастился к чтению, самостоятельно освоил курс высшей математики. Т. Эдисон тоже оглох в юности после того, как его, сорвавшегося с подножки вагона, кондуктор за уши втянул в поезд.

Техника — это системное образование. В ней особое место занимают изобретатель, машины, механизмы, научная мысль как обоснование техники и технологии. Сама же инженерная деятельность может быть классифицирована по сфере, в которой будет использовано изобретение: медицинская, спортивная, художественная, информационная и т. п. Как, по вашему, какая техника возникла раньше?

Прежде всего появилась техника, которая помогала в хозяйстве. Известно, что первые гончарные изделия были сделаны около 10 тыс. лет тому назад. А через 5 тыс. лет изобрели гончарный круг. Причем персы свои гончарные изделия разрисовывали еще 6 тыс. лет тому назад. Следовательно, техника художественной росписи, видимо, шла рука об руку с техникой материального производства.

Интересно, что многие изобретения появились прежде на Востоке. Но китайцы, например, относились к своим изобретениям эгоистично. Они не желали знакомить Европу ни с порохом, ни с книгопечатанием, ни с фарфором, которые европейцам пришлось изобретать заново.

Действительно, Восток стимулировал технический поиск. Например, изобретя письменность, человек долгое время использовал сложную трудоемкую технологию записи своих мыслей. Египтяне первыми догадались создать перо из тростника. А первое письмо было написано в Греции 4 тыс. лет тому назад пером из слоновой кости. Стальные же перья появились в Англии в 1780 году, но 40 лет они не пользовались популярностью. И только еще через сто лет появились в Америке авторучки, которые делали из золота.

Давайте порассуждаем вот над какими фактами. Известно, что в 63 году до н. э. римлянин по имени Тиро придумал первую систему стенографирования. В 1500 году Леонардо да Винчи — вертолет, в 1610 году Г. Даймлер — первый автомобиль.

Т. е. известно кто, что, когда и где изобрел. А вот авторы таких фундаментальных изобретений, как колесо и ноль, никому не известны. Почему, ведь это эпохальные создания! Как и жизненно необходимые водопровод и канализация, созданные на Крите 4.

Лекция III.

Тема: «ГНОСЕОЛОГИЯ»

П Л А Н:

1. *Гносеология — теория познания. Соотношение знания, сознания и познания.*
2. *Агностицизм и его варианты.*
3. *Диалектика процесса познания.*

1. ГНОСЕОЛОГИЯ — ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ. СООТНОШЕНИЕ ЗНАНИЯ, СОЗНАНИЯ И ПОЗНАНИЯ.

Каждая философская система уделяет большое внимание вопросам о познаваемости мира. Учение о познании составляют содержание гносеологии. Это, греческое по происхождению слово, состоит из двух корней: «гносе» — знаю, «логос» — учение.

Прежде всего следует разобрать вопрос о том, что же такое «знание». Человек может знать, что есть иметь какую-то информацию о предмете, событии, явлении, но значит ли это, что информация достоверна? Более того, человек может и не догадываться о том, что он что-то знает. Например, когда в состоянии гипноза или другом измененном состоянии сознания (болезнь, сон и др.) человек обнаруживает познания, скрытыя даже для самого себя.

Гипнопедия (обучение во сне) делает человека обладателем знания, которое он не приобретал активно и лично не осмыслил.

Возникает еще один вопрос: обладают ли знанием другие виды материи? Что касается животных, то здесь мы уверенно можем утверждать эту способность. Но разница в человеческом знании заключается в том, что только человек может сказать о себе: «Я знаю, что я знаю». Более того, формулировка может быть более сложной: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Вот тогда-то и возникает философский дискурс.

Что означает слово «сознание», если иметь в виду, что в его корне мы встречаем слово «знание»? В данном случае «сознание» — это понимание знания, осознание его.

В слове «познание» мы опять видим тот же корень, и в данном сочетании оно означает «приобретение знания».

Как же происходит этот процесс? Он очень сложен, и на нем

мы остановимся особо. А сейчас оговоримся, что не все философы признают возможность нашего разума, вообще человека проникнуть в суть вещей и явлений. Такая позиция имеет свое определение: агностицизм (от греческого слова «знаю» и отрицательной частицы «а»).

Агностицизм как гносеологическая позиция не однороден. В истории философии встречались различные его варианты. Например, скептицизм, который оначал сомнение в способности разума. И. Кант, который завещал «имейте мужество пользоваться своим умом» и оставил нам свои глубокие вопросы: «что я могу знать?» идр., в то же время полагал, что мир делится надвое. Мир «вещей в себе» и мир «вещей для нас». Первый (он называл его транстендентный) мы познать не можем. Второй (трансцендентальный) — мы можем познать.

В XX веке сложилось интересное направление в философии (герменевтика), которая специально исследует проблемы понимания. Ведь когда я что-то говорю вам, каждый понимает одно и то же неоднозначно. Поэтому главная трудность в педагогике состоит в противоречии: что преподаватель может дать студентам, и что студенты могут взять.

Вспомните детскую игру в «глухие телефоны». Игроки усаживаются в ряд и крайнему из них ведущий что-то шепчет на ухо. И информация передается из уха в ухо. Никто специально не искажает информацию. Просто каждый слышит то, что может или хочет. И когда последний произносит вслух то, что ему кажется он услышал, все поражаются произошедшим преобразованием.

2. ДИАЛЕКТИКА ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ

Этот вопрос — наиболее существенный, хотя тема о природе познания до сих пор остается проблемной. Интерсный раздел этой темы (знаки и их значения) мы рассмотрим в теме «Культура и цивилизация).

Начнем, как всегда, с интерпретации термина. Слово «диалектика» мы рассматриваем как развитие через противоречия. Поэтому в самом процессе познания постараемся вычленить противоречивость, как единство и борьбу противоположного.

1. Познание — это два разных этапа приобретения знания. ОБУЧЕНИЕ, когда субъект приобщается к известному всем знанию. И НАУЧНЫХ ПОИСК, при котором делается прорыв в незведанное и мир как бы вырывает у природы еще одну ее тайну.

2. Познавательный процесс включает в себя как моменты сознательные, так и бессознательные. В свое время реформатор театра К. С. Станиславский пришел к выводу о существовании «надосознательного» уровня психической активности, так называемое «сверхсознание художника». Сейчас многие соглашаются с

тем, что сознание работает медленнее, чем подсознание, — которое выполняет роль «кладовой стандартов». Считают даже, что сознание препятствует реализации нашего творческого потенциала. Поэтому во сне или в состоянии болезни, когда сознание перестает быть цензором, рождаются шедевры.

3. Фрейд первым пытался исследовать неосознаваемый фон. К. Юнг писал: «Многие художники, философы, ученые обязаны некоторыми лучшими своими идеями вдохновению, внезапно возникшему из бессознательного. Способность достичь богатого источника этого материала и трансформировать его в философию, литературу, музыку или научное открытие является одним из отличительных черт того, что обычно называется гением» (, 369).

3. Познание — это переход от незнания к знанию. Причем это движение — от простого к сложному, от старого — к новому, от низшего — к высшему.

4. Процесс познания — это еще и двухуровневый по своей структуре феномен. Первый уровень — чувственное познание, второй — логическое. Некоторые теоретики полагают, что истина открывается уже на первом уровне (сенсуалисты). Они полагают, что логика только мешает познанию. Другие, наоборот, полностью отрицают за чувствами способность познания (рационалисты).

5. Процесс познания на вышеуказанных уровнях — это тоже постепенное продвижение к истине. Предзнание, предчувствие — как бы предстартовое состояние субъекта. А сам осознанный процесс приобретения знания начинается с ощущений. Ощущение — это субъективный образ объективного мира. Мы получаем информацию о мире по пяти каналам) зрение, слух, осязание, обоняние, вкус).

Николай Гумилев писал о возможно шестом чувстве:

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуяв на плечах
Еще не появившиеся крылья,

Так век за веком, скоро ли, Господь?
Под скальпелем Природы и Искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

И это не поэтическое иносказание. Конфуций и Сократ признавались, что получали сигналы из источника, природа которого им не была понятна. О том же, много веков спустя, писали М. В. Ломоносов, К. Э. Циолковский, академик А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев.

Всему миру в XX веке известна Вангелия Пандеева (Ванга), жившего 500 лет назад Нострадамуса. Но мало кто знает о Г. М. Обласове, предупреждавшем о Чернобыле.

В истории культуры известен феномен Мухаммеда, ставшего

пророком и получившего пророческую информацию во сне. Шведский ученый и философ Э. Сведенборг обладал даром ясновидения, о чем сохранились свидетельства И. Канта.

Исследуя эти явления, ученые приходят к гипотезе, что «люди наделены потенциальной способностью к прямому знанию, к восприятию событий, находящихся за пределами известных нам органов чувств» (10).

Весь мир сейчас переживает трагедию «Титаника», просмотрев фильм, но мало кто знает, что эта трагедия, произошедшая в 1912 г., была описана в 1898 г. М. Робертсоном в романе «Тщетность».

В 1877 году Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя сделал такой прогноз: «Предвидится страшная, колоссальная стихийная революция, которая потрясет все царства мира изменением лика мира всего... Бунт начнется с атеизма и грабежа богатств. Начнут низлагать религию, разрушать храмы, превращать их в стойла, зальют мир кровью, а потом сами испугаются».

Как видите, познание этого феномена движется диалектически, проходя противоположные по отношению к себе оценки исследователей. О необходимости плюрализма мнений писал еще великий Аль-Фараби: «Группу людей, следующих одному и тому же мнению, можно рассматривать как один разум, а один разум может заблуждаться. Когда же различные умы сойдутся после размышления, споров, рассмотрения с различных противоположных сторон, то тогда не будет ничего вернее того убеждения, к которому они придут».

6. Размышление нашего великого предка подводят нас к еще одной диалектической характеристике процесса познания: результаты познания могут быть противоположными. Истина или заблуждение, парадокс или софизм. Истина — это соответствие знания действительности. Заблуждение — это несоответствие. То есть отражение, которое возникает в нашем сознании, не совпадает с реальностью, хотя нам кажется, что они конгруэнтны. Парадокс — это истина, которая кажется заблуждением.

Способность мыслить парадоксами — это отличительная черта таланта. А. С. Пушкин писал:

О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух.
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг...

Софизм же, наоборот, это забдуждение, которое всем кажется истиной. Причем софизм следует отличать от антиистины. Софизм может быть результатом непреднамеренного заблуждения. А антиистина — это средство, с помощью которого идеология пытается утвердить себя. Есть специальный термин, обозначающий эту процедуру — индоктринация.

Что касается истины, то она сама насквозь диалектична. Потому что относительна и не может быть абсолютной, т. е. полной, исчерпывающей. Она конкретная, т. е. зависит от пространственновременных параметров. Например, если я спрошу вас: «чему равна сумма внутренних углов треугольника?», многие ответят: «180 градусам». И будут не всегда правы. Почему? Потому что этот ответ истинен лишь при условии, что треугольник расположен на плоскости. Как об этом писал еще Евклид. Но в геометрии Лобачевского и Римани (на сферической поверхности) результаты будут иными: или больше, или меньше.

7. Мы отметили, что первый шаг нашего познания — это ощущение. Складываясь, они создают целостный образ – восприятие. Более сложный шаг — это представление, когда образ предмета возникает в сознании при отсутствии этого предмета, Как же это возможно? Под действием памяти или воображения. *(См. рис. на стр. 36).*

Всякая графика упрощает. Процесс познания сложен и не вписывается в прокрустово ложе схемы. Однако она дает представление о движении от простого к сложному.

На уровне логического познания (мышления) человек осуществляет продвижение к истине через такие как бы ступени, как понятие, суждение и умозаключение.

Понятие — это способ выражения мысли. Это слово когда в Евангелии от Иоанна мы читаем: «Вначале было Слово», то это не столько объективный идеализм, сколько констатация сложности выражения своих переживаний в слове. Ведь Создатель, сотворив мир и человека, именно человеку поручил назвать все сотворенное своими словами. И это было ответственное поручение.

Когда я слышу, как рассказывают студенты друг другу вчерашние события, которые потрясли их, я обращаю внимание вот на что. Рассказывая взахлеб, студент сам себя как бы останавливает постоянным «короче». И не потому, что спешит скорее проинформировать друга, а потому, что его тезаурус (словарный запас) ограничен. Вот почему высшая степень восторга нашла сегодня только такой эквивалент: «Ващще!»

Суждение — это совокупность понятий, в которой что-то утверждается или отрицается. И не всякая совокупность выражает мысль, иначе самые большие говоруны считались бы самыми умными. Помните, как группа «Дадуда» иронизирует над М. С. Горбачевым, его неспособностью ясной формулировки.

Умозаключение — это выводное знание. Заключение ума, взвесившего все «за» и «против» предыдущих суждений.

И. Кант пришел к выводу, что суждения – это результат деятельности рассудка, а умозаключение – это работа разума. Как, по-вашему, если подойти к этому явлению диалектически, возможно ли такое сочетание: человек разумен, но безрассуден? или наоборот, он рассудителен, но неразумен? Или даже безумен?

Диалектика процесса познания

Вспомните поэзию:

С ума схожу иль восхожу
К высокой степени безумства...

Или Маджнун, что в переводе означает «безумный»? Ведь не «аклсиз», а именно «мажнун». Он отказался от земной любви во имя высокой, идеальной, вечной.

В романе Сервантеса «Дон Кихот» главный герой-Рыцарь Печального образа всеми воспринимается как безрассудный. И вправ-

ду ведь он не может отличить ветряные мельницы от врагов, простую скотницу от Дульсинеи Тобосской. Но он в то же время обладает такой высокой духовностью, подвигнув себя к свершению подвигов во имя человечности.

Его слуга, Санчо Панса, наоборот, не понимает, не разумеет этих высоких идей своего хозяина, но здраво рассуждает, за что и получает должность судьи.

8. Познание — это диалектический процесс субъектно-объектных отношений. Субъект познает истину, и она объективна, потому что ее содержание не зависит от субъекта. И в то же время она зависит от его субъективности, его способности ощущать, воспринимать, рассуждать, оценивать.

Более того. Наше суждение зависит от нашего самочувствия. Вот слова из песни:

«А я не знала, что так земля красива,
покуда мне не улыбнулся ты».

9. Мы уже отмечали, что наше знание становится все более полным. Но здесь есть противоречие. Представим себе наше знание в виде круга. Окружность разделяет наше знание (ограниченное) от нашего безграничного незнания. Что собой представляет эта окружность? Это совокупность многочисленных точек. А каждая точка — это проблема. То есть знание нашего незнания.

Когда мы обнаруживаем наше незнание, мы стараемся раздвинуть границы нашего знания. И обнаруживаем, что чем больше мы узнаем, тем больше возникает новых проблем. И соглашаемся с великим Сократом, первым обнаружившим этот парадокс. Его знаменитое «Я знаю, что ничего не знаю» подтверждение парадоксальности, противоречивости познания.

10. С древнейших времен человека влекла тайна понимания, разумения. Еще Диоген сетовал: «Ничто не существует, а если существует, то невыразимо, а если выразимо, то необъяснимо для другого». Мы знаем, что если стремимся объяснить не себе, а другому, то понимание не всегда адекватно. М. Бахтин высказывал догадку, что понимание созревает лишь в ответе.

Культура ислама рассматривает Коран как закрытый текст, доступный лишь толкованию. Он тайна, которая воздала традицию толкования — тафсир. Великий Н. Кубро признавался: «Если из всех деревьев сделать бумагу, а все воды превратить в чернила, то и этого не хватило бы, чтобы истолковать Коран».

Чтобы истолковать, надо уметь вчитаться, а для этого нужен разум. Он помогает приобщиться к тайне. Первое, что сотворил Аллах, — это Разум, и нет религии у того, кто не владеет Разумом». Просвещенный ислам очень глубоко исследовал разумную способность человека. Фараби выделял разум пассивный, созерцательный, практический, действующий и активный.

Аль Хорезми вообще философию определял как «науку об ис-

тине». Мирсадн Джурждани выдвинул идею о пяти внутренних чувствах: общее чувство, воображение, фантазия, припоминание и память.

Ибн Сино характеризуется как символ великой восточной мудрости. Он продемонстрировал неиссякаемую мощь человеческого познания. За свои 57 лет он сделал открытия в 12 областях знания (за 16 лет написав 430 трудов). В книге «Даниш-намэ» (Книга знаний») он высказывал уверенность, что нет непознаваемых сущностей. Ибн Сино выделял 4 ступени развития человеческого разума, которые обеспечивают продвижение к истине: потенциальный, практический, деятельный, теоретический.

Послушайте, как актуально звучат слова Ибн Сино, сказанные тысячу лет назад: «Можно найти такого редкого человека, который, если захочет, то поймет без учителя все науки подряд с начала до конца в течение одного часа, потому что связан с действующим умом так хорошо, что ему не надо думать, словно ему откуда-то подсказывают, и в самом деле это так. Такой человек должен быть источником учения для человечества, это не странно» (, 201).

11. Великие мыслители — люди трудной судьбы. И здесь мы обнаруживаем еще одну диалектическую характеристику познавательного процесса. Знание — это общечеловеческая ценность, но человек, добывший ее, не всегда счастлив. Скорее, наоборот. Как заметили еще авторы Библии: «Во многом знании — много печали».

Немецкий писатель Э. М. Ремарк пришел к выводу, что «знание делает человека свободным, но несчастным». Действительно, знание тайн атомного ядра сделало нас свободными от этой таинственности. Но страх глобального уничтожения теперь преследует человечество.

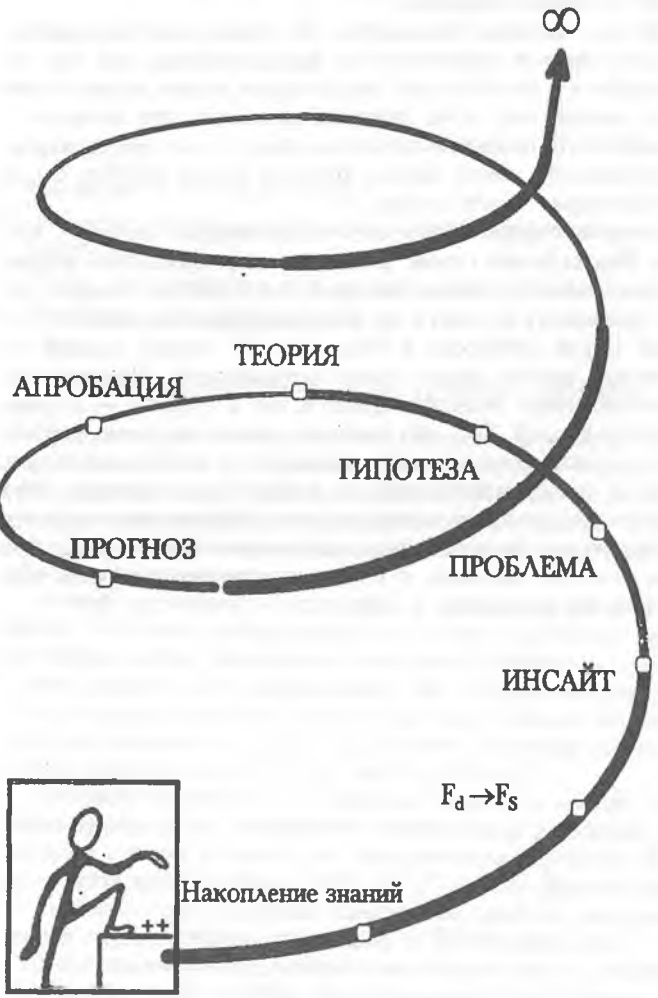
Русский писатель А. С. Грибоедов не случайно назвал свою комедию «Горе от ума».

12. Научное познание имеет специфически формы:

проблема, инсайт, гипотеза, теория, апробация, прогноз. (Инсайт-озарение). Они отражают продвижение субъекта к истине, постепенное, последовательное и качественно новое на каждом отрезке. Причем само это продвижение включает в себя моменты как бы повторения, но на ином витке: ведь прогноз — это гипотетическое знание, предположение, что развитие пойдет в таком направлении. *(См. рис. на стр 39).*

Практика — это основа, источник познания и критерий истины. На практике апробируются результаты. Иногда случается, что исследователь получает отрицательный результат. Как к нему относиться? Отрицательный результат — тоже результат. Во многих случаях он показывает, в каком направлении не следует идти. Или неожиданно указывает нетривиальное решение.

ФОРМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ



F_d – факт действительности

F_5 – факт сознания

∞ – знак бесконечности

13. Сам процесс познания, таким образом, отражает закономерности универсального характера. Здесь проявляется действие законов диалектики: закона взаимного перехода количественных и качественных изменений, закона единства и борьбы противоположностей и закона отрицания.

14. Процесс познания бесконечен. На стадии прогнозирования, когда высказываются относительные предположения, мы как бы опять находимся в начале пути. Как говорили в свое время теоретики:» где начало того пути, которым кончается это начало?»

Бесконечность познавательного процесса — это еще и результат многогранности самой жизни, которую можно изучать с разных, бесчисленных точек зрения.

В японском городе Киото есть «Сад камней», который еще называют Философским садом. (Помните в Средневековье искали именно философский камень, который бы помог не только все металлы превращать в золото, но изменять сущность вещей).

Монах Соами разбросал в этом саду 15 черных камней по белому песку. Зритель видит только четырнадцать. Пятнадцатый камень загораживают соседние. Делаешь шаг в сторону — и снова четырнадцать камней. Тот, что прятался, виден, но исчез другой. «Гениально спланированный хаос предстает в иной композиции, состоящей из пятнадцати камней, из которых один невидим. Это наглядная модель познания, метафора науки. Обязательно найдется что-то неизвестное, несосчитанное, неучтенное. Мы уверены, что видим то, что есть, до конца, и в голову не придет, что есть что-то еще, чего мы не видим» (, 56).

Лекция IV.

Тема: «ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ»

П Л А Н:

1. *Диалектика и эстетика любви.*
2. *Системный подход к анализу: виды любви и взаимосвязь между ними.*
3. *Любовь как творчество, акт самореализации человека.*
4. *Парадоксальность любви.*

1. ДИАЛЕКТИКА И ЭСТЕТИКА ЛЮБВИ

Любовью пронизана вся жизнь человека, и только вузовские программы обходят ее стороной. Между тем само понятие «философия» включает в себя слово «любовь». Это и любовь к мудрости, и в такой же степени — мудрость любви. Сейчас, когда нас захлестнула девальвация ценностей, самое время начать разговор о любви с позиций прекрасного.

«Любви все возрасты покорны», — писал поэт. Можно так же сказать, что она универсальна как объект научного интереса. Философия любви начинается с выяснения вопроса — материально или идеально это переживание. По мусульманскому обычаю молодых людей знакомят родители, но после знакомства они интересуются, дрогнуло ли сердце при встрече. Переводя это на современный язык физики о каком поле идет речь?

Австрийский физиолог Г. Кромбах пришел к выводу, что любовные переживания вызываются химическими реакциями, происходящими в мозгу человека под воздействием фермента C8 H11 N (см. «Аргументы и факты» 1991, № 17 стр. 7). Другие полагают, что любовь — это следствие химических реакций, происходящих в крови под действием окситоцина и фенилефиламина.

В этическом ракурсе любовь рассматривается на основе категории добра, блага, счастья, справедливости (см. Левинас Э., Философия, справедливость и любовь) (Филос. науки 1991, № 6). Любовь как философская проблема предполагает ее целостное рассмотрение (см. Философия любви. Антология. Под ред. Д. Горского. сост. А. Ивин — М. 1990 ч. 1,2).

Эстетическое исследование любви — это такой подход, при котором интерес сосредоточен на диалектике прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, обыденного и героическо-

го, комического и трагического. Это изучение любви как формы творчества, художественной коммуникации. Это поиск в истории любви, отраженной в мифах, искусстве, общих и особенных сторон.

А. Ивин в своем интересном размышлении о многообразном мире любви (см. ук. изд. стр. 380—1509) предлагает в «поле любви выделить девять ее кругов» (стр. 388). Мысль сама по себе вполне приемлемая, но эстетически не допустимая.

Как справедливо заметил поэт, игра «Поле чудес» возможна только в «стране дураков». Поэтому, когда начинаешь разговор о святом, надо избегать банальностей. Сочетание «поле любви» в наше время опошлено. Видимо, поэтому Н. Михалков свой замечательный фильм назвал «Урга. Территория любви».

Далее. Понятие «девять кругов» ассоциируется в сознании со времен Данте с девятью кругами Ада. И этот образ в сознании приводит к неверной оценке: любовь — грех, за который человек будет расплачиваться вечным наказанием. Видимо, не это имел в виду А. Ивин, когда остановился на образе девяти кругов.

Соглашаясь с обозначенными им видами любви, добавим еще и другие, но прежде остановимся вот на чем. Если вид любви понимать как содержание, то оно имеет форму. Таких форм древние греки, а затем и древние мыслители выделяли не более шести:

ЭРОС — ВЛЮБЛЕННОСТЬ
ФИЛИА — ДРУЖБА
АГАПЕ — ЖЕРТВЕННОСТЬ
СТОРГЕ — НЕЖНОСТЬ
ПРАГМА — СИМПАТИЯ
МАНИЯ — ОДЕРЖИМОСТЬ

2. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ: ВИДЫ ЛЮБВИ И ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ НИМИ.

Итак виды любви.

Первый вид — Любовь к самому себе

Это изначально первая любовь. В Библии сказано: «Возлюби ближнего как самого себя». Человек конструирует себя творчески. Его становление в онтогенезе — это собирание своего Я, как Иван Калита собирал Русь, постепенно, лучше. Поэтому человек и любит свое творение. Отсюда эгоизм как движущая сила онтогенеза. «Эго» — Я. Любовь к себе, как говорила старуха Изергиль,: «Если я не за себя, то кто же за меня?». Вот когда эгоизм перерастает в эгоцентризм, когда человек ставит себя в центр мироздания, заставляя всех вращаться вокруг себя, вот тогда, как говорила та же Изергиль, «зачем я?». Без любви к себе человек никогда не состоится как личность, не научится любить других.

Эта любовь к себе находит косвенное подтверждение во многих поступках человека. Мы смотримся в зеркало, чтобы убедиться, что мы есть. Мы бежим на звуки свадебного карная, похоронного марша, милицейского свистка вовсе не потому что так любопытны, сердобольны, драчливы или любители быть свидетелями на суде. Мы бежим убедиться, что не нас ведут под венец, лишив свободы, не нас несут ногами вперед, не нас бьют.

Психологи утверждают, что бабушки больше любят внуков, потому что они дают им возможность вспомнить свою молодость, когда родились первые дети.

Любовь к ближнему

Это любовь к людям одной крови. Клятва Маугли «Мы с тобой одной крови» — не пустые слова. Это любовь многообразна: к детям, родителям, братьям и т.п. Она противоречива. Многие отцы мечтают о первенце сыне, а больше любят дочерей. Потому что мальчик подрастая, подчеркивает дряхлость отца (удаление от идеала), а девочка самим фактом своего существования всегда напоминает ему, что он защитник, мужчина.

Любовь к жизни

Я люблю, тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно.

Она может принять противоположные виды — некрофилию.

Любовь к богу

«Бог есть Любовь» и этим все сказано.

Любовь к Родине

Это любовь к ближнему, но в более широком масштабе. «И дым Отечества нам сладок и приятен», потому что это воспоминание о мире детства, когда все были живы. Утрата Родины — трагедия, особенно, когда она сама отторгает своих детей. На Запад ли в эмиграцию, особенно в насильственную, на Восток ли — в лагерное небытие, или во внутреннюю эмиграцию, обрекая на молчание. Когда еврейский ансамбль «Шабес» исполняет песню «Эмигранты», в ней слышна боль нации, переживающей трагедию исхода, вечного скитания, теряющей и не обретающей земли обетованной. Те же мотивы звучат в повести В. Лобаса «Желтые короли», в стихах В. Городецкого:

Над Канадой, над Канадой,
Солнце низкое садится.
Мне уснуть давно бы надо,
Только что-то мне не спится.
Над Канадой небо сине,
Меж берез — дожди косые,
Хоть похоже на Россию,
Только все же не Россия.

В этом виде любви в значительной степени проявляется такое ее общее свойство как иррациональность, непостижимость, сакральность, таинственность.

«Умом Россию не понять».
«Люблю отчизну я, но странною любовью,
не объяснит ее рассудок мой».

Сейчас обнаружилась другая тенденция — любовь к чужому — **ксенофилия**, своего рода антитеза любви к Родине. «Свой среди чужих, чужой среди своих» — это трагедия и символ времени.

В одной из песен, исполняемых ансамблем «Комбинация», есть такие актуальные слова:

Амэрикэн бой, уеду с тобой,
Уеду с тобой, Москва, прощай!

А когда-то говорили совсем другое: «Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много-много в нем отозвалось». Ксенофилия — это трагедия не только молодого поколения, которому негде приложить свои таланты и даже спасти жизнь в условиях межнациональной вражды. Это трагедия самой страны, ее культуры, ее будущего.

Однако, не всегда в любви человека к другому, живущему в иной культуре, есть проявление ксенофилии. Отелло и Дездемона (в искусстве), Сальвадор Дали и Елена Дьякова (в жизни). Великий испанский художник был женат на русской женщине старше его на десять лет. Они прожили вместе больше полувека, и со смертью жены, которую он писал бесконечно, С. Дали умер как художник (см. Дали С. Дневник гения — М. 1991).

А когда Сергей Есенин женился на американской танцовщице Айседоре Дункан и писал:

«И какую-то женщину, сорока с лишним лет называл скверной девочкой и своей милою», то в этих строчках вряд ли присутствует поэзия любви.

Любовь к пище

Не страсть к обжорству, а эстетическое наслаждение от декоративного оформления. Свечи и тихая музыка, цветы, хрусталь и фарфор. Вечерние туалеты и тосты, словом все, что создает эффект художественной коммуникации.

Любовь к сквернословию

Не наслаждение безобразным, а как акт художественного творчества, хотя и скверного.

Причем последние два вида любви можно рассматривать как проявление любви к Родине, поскольку, объектом любви все-таки является не всякая пища, а национальная, а сквернословие — это мини литературное произведение на родном языке. Правда мат, в основном, повсюду русский. Он используется как эмоциональный допинг, помогающий разрядиться, когда обычные слова не помогают. Объединение в русском мате самых возвышенных понятий,

связанных с материнством и эротической любовью, возможно и не свидетельствует о стремлении к девальвации ценностей. Вместе с тем распространение в наше время просторечия «блин» говорит не о причастности изделия из кислого теста к миру безобразного, а является смягченным вариантом понятия, связанного с занятием любовью ради интереса. Когда режиссер откровенно называет свой кинофильм «Бля», публика, общество интуитивно защищаются нейтральным словом «блин», отражая трагикомический характер нашей жизни, а не вечную масленицу.

То, что использование сквернословия не всегда осознается как скверное дело, хорошо отражено в стихотворении Н. Анциферова. Он пишет о том, как оставшись единственным кормильцем в семье, вынужден был еще мальчишкой, спуститься в забой. Но, конечно, сравниться с членами бригады он не мог. Ни в чем. Особенно в умении лихо сформулировать адрес, послав по которому, члены бригады долго бы ждали возвращения товарища. И вот. Однажды, когда мастер допек его упреками, он:

И от злости себя ненавидя,
Закусивши в злобе губу,
Я кричал ему:
«А я вас видел: в белых тапочках, в гробу!»

Любовь к другому человеку

Л. Фейербах определял именно этот вид любви как «признак бытия» (см. Фейербах Л. избр. Филос. Пр. Т.1. — М. 1955, с. 567). Только через любовь человек становится человеком, выделяя себя из остального природного мира. Это философия любви, о которой В. Высоцкий пел:

Я дышу и значит я люблю,
Я люблю и значит я живу.

(Сравни у Декарта: Я мыслю, следовательно, я существую). В песне поэта есть эстетический подтекст: любовь обеспечивает творческое бытие. Евг. Евтушенко признавался: «Мне нравится, когда мне кто-то нравится». Франц Кафка писал своей невесте: «Я люблю Вас, Милена, нет не Вас, а подаренное мне Вами состояние (душевное)». Они расстались.

В любви к другому человеку для этого другого может и не быть радости. Она нежеланна. Поэт писал, например

«Минуй нас, Боже, пуще всех печалей,
И барский гнев, и барская любовь!»

В любви к другому человеку следует соотнести потребность и способность любви. Если рассчитать энергетический код А. С. Пушкина, то обнаружится, что в этом ряду отсутствует цифра 5, символизирующая способность любить. Можно по-разному относиться к этой теории, но не в этом ли причина бесконечных увлечений поэта? Не здесь ли кроется разгадка его столь же бесконечных дуэлей?

У А. С. Пушкина и Дон Жуана была одна общая черта — множество возлюбленных, зафиксированных в специальных списках. И только гений М. Цветаевой догадался что глубокое одиночество гнало Дон Жуана на донжуанство. Она писала:

И была у Дон Жуана шпага,
И была у Дон Жуана Донна Анна?
Вот и все, что люди мне сказали
О прекрасном и несчастном Дон Жуане.

Но сегодня я была умна,
Ровно в полночь вышла на дорогу,
Кто-то в белом шел со мною в ногу,
Повторяя имена?

И сказал мне сверху голос странный:
«Не было у Дон Жуана Донны Анны».

Невозможность, неспособность любить — это трагедия, как и безответная любовь. Возможно, поэтому А. С. Пушкин искал смерти, что сам лучше других знал себя.

В любви к другому человеку может присутствовать нереализованный идеал, потребность приобщиться к тому, что самому недостает, то есть желание гармонии. Почему дети любят Карлсона, который живет на крыше? Правда, сам о себе он говорит, что он «мужчина в самом расцвете сил». Но мы то знаем, что он толстый, обжора, некрасивый, обманщик. И почему А. Линдгрен поместила его на крышу?

Его любят за творчество, за умение общаться с детьми как с людьми, а не как с недоумками. Он живет на крыше, а это значит, что над ним не довлеет потолок человеческих ограничений. Мы с детьми или сюсюкаем, или ругаемся. А играть по-настоящему, без притворства, с азартом, получая удовольствие, не умеем. Это утраченное искусство. Это умеет Карлсон. За это его и любят все дети, и не только шведские.

Инна Гофф заметила, что в русской сказке о репке в цепочке дед—бабка—внучка—жучка и т.д. выпали родители. Возможно, потому, что дефицит родительской любви — это глобальная проблема. А может быть, любовь к предкам и природе для становления человека важнее.

В любви к другому человеку особое место занимает эротическая любовь. Она универсальна и связана с карнавальностью. Только эта любовь имеет специальную дату: день свадьбы и 14 февраля (день святого Валентина).

3. ЛЮБОВЬ КАК ТВОРЧЕСТВО

Если рассматривать любовь, как художественную коммуникацию, то можно говорить о специфике ролевого поведения влюбленных. Она проявляется даже в том, что для мужчин внешняя привлекательность женщин является важным стимулирующим фактором. В то время как для женщины важнее вербальный фактор —

объяснение в любви, выражение восторга, разного рода заверения, клятв. Отсюда вывод, что мужчина любит глазами, а женщина — ушами.

В этом отношении показательна песня О. Газманова «Морячка»:

Я любимой объяснял,
Как лебедка тянет трал,
А она не хочет слушать,
Хочет, чтоб поцеловал.

Дело в том, что женщина не о любви не хочет слушать, а о лебедке, хотя рассказ любимого человека о своей работе должен был бы вызвать интерес. Далее:

Я любимой говорил,
Как в моря свои ходил,
А она не хочет слушать,
Хочет крепче чтоб любил.

Почему теперь-то она не хочет слушать? Ведь разговор идет возвышенный и героический — о морях, не о лебедке. Здесь тоже есть свои резоны. Первый. Даже «хождение за три моря» менее интересно, чем сама любовь. Второй. Моря-то «свои». Это его дела. Это ее не касается. Вот если бы он рассказал ей нечто такое, что дало бы ей возможность самоутверждения, тогда другое дело. Например:

Я любимой говорил
Про других, кого любил...

Вот тогда бы морячка наверняка стала внимательно слушать и даже задавать вопросы, что бы продолжить исповедь. Как справедливо заметил Шамфор, «когда женщина выбирает себе любовника, ей не так важно нравится ли он ей, как то нравится ли он другим женщинам».

Диалектика любви проявляется в следующем. Прежде всего в двойной оптике любви. Она может обострить эстетическое восприятие. «А я не знала, что так земля красива, покуда мне не улыбнулся ты!». Или наоборот, приводит к абсолютной слепоте влюбленного. Когда Д. Хармс признавался: «Непонятно, почему я так люблю Эстер. Все, что она говорит, неприятно, глупо и плохого тона, но вот люблю ее, несмотря ни на что», он сам свое состояние назвал «ужасным» (см. Хармс Даниил. Боже, какая ужасная жизнь и какое ужасное у меня состояние! (Новый мир. 1992, № 2. с. 205).

В. Шекспир писал:

Мои глаза в тебя не влюблены,
Они твои пороки видят ясно,
Но сердце ни одной твоей вины не видит
И с глазами не согласно.

В этом смысле «любовь зла...» В свое время Ф. Энгельс философски заметил, что «о достоинстве мужчины судят по женщине, которую он себе выбирает». Эта мысль помогает понять Зевса,

любившего прекрасных женщин — Европу, Леду, Данаю, и принимавшего соответственно объекту своей любви тот или иной образ — красавца быка, лебедя, золотого дождя. Но вот он полюбил Онону и принял образ дрожащей от холода кукушки. Не ради сострадания. А просто злобная Юнона даже всесильного, могучего Бога превратила в мокрую курицу. «О достоинстве мужчины...».

Рассматривая эстетическое начало в любви, мы говорили о том, что мужчина любит глазами. «Любят красивых, а женятся на умных...». Фольклор не знает героя, который бы сражался за некрасивую героиню. Даже Дон Кихоту кажется, что он добивается любви не простой скотницы, а Дульцинеи Добосской, Царевна-Лягушка, все-таки из царского рода. И все знают, что не в болото она уведет избранника. В греческой мифологии Афродита совмещала функции богини любви и красоты.

Когда Создатель творил первого человека — Адама, по своему образцу и подобию, то это была все-таки модификация, повторение. Лилит — тем более. Тот же материал, красная глина, та же технология. И ничего хорошего не вышло. Другую подругу для Адама Создатель вытачивал из ребра первого мужчины, соблюдая принцип «иное другого», «единство и борьбу противоположностей», вытачивал, как произведение искусства, из кости. Он взял именно ребро не потому, что много, бери — не жалко. А потому что тазобедренная кость или фаланга пальца — это не эстетично. К тому же Бог взял именно то ребро, которое закрывало доступ к сердцу. Оно теперь стало беззащитным перед красотой Евы.

Поскольку объект любви, созданный Богом — это произведение искусства, то и сама любовь — это творческая деятельность, более того — вид художественной деятельности.

Женщина была создана как произведение искусства и не только как декоративно-прикладное. Бог назвал ее Евой, что значит «жизнь», показав тем самым взаимосвязь жизни, любви и красоты. В исландских сагах богиня плодородия Фрейя, к тому же самая красивая из богинь, единственная, кто удостоился чести носить символ красоты — ожерелье Брисингов (см. Младшая Эдда Л. 1970 с. 21).

Итак, каков подтекст этих сюжетов? Человек — великое творение Бога, подобный ему, уникальный, живущий в Эдеме, окруженный яркими красками, многообразием форм экологически чистой природы Рая, на что может обратить внимание такой индивид? Который к тому же имеет непосредственное общение с самим Всевышним? Что после всего этого может его удивить, взволновать, заинтересовать, и, наконец, заставить полюбить? Конечно, нечто еще более удивительное, к тому же непостижимое, таинственное, подобное и в то же время противоположное, божественное и человеческое, возвышенное и греховное — в общем красивая женщина.

В священных текстах ничего не говорится о том, каково было переживание самой Евы, как впрочем и в античных мифах. Зевс не интересовался душевным состоянием своих возлюбленных. Принимая облик золотого дождя, быка и лебедя, он не задумывался, в состоянии ли будет перепуганная женщина испытать ответное чувство. И это тоже говорит в пользу мужского авторства текстов.

И здесь мы обнаруживаем характерную особенность любви — ее парадоксальность. При несомненном лидерстве мужчины (инструментальном, как сказали бы социальные психологи), женщины являются главным импульсом развития (эмоциональное лидерство). Отсюда ищите женщину.

Известно, что идеалист Платон так и не женился, создав теорию «платонической любви», в которой души сливаются в единстве, где нет места вопросу о главенстве. А Демокрит, говорят, женился на самой маленькой женщине, из двух зол — выбрав меньшее. Но в конце жизни ослепил себя, чтобы женщины не отвлекали его от поиска истины. В древности говорили: «если у тебя хорошая жена — ты счастлив. Если плохая — будешь философом». Если бы не Ксантиппа, сумел ли Сократ отшлифовать до блеска свое искусство спора?

Мы празднуем 8 Марта — Международный Женский День, совсем забыв о его политическом содержании. Давно он стал у нас днем, как сказал бы А. Блок, памяти Вечной Женственности. У меня есть гипотеза, почему именно на восьмое число падает это событие.

Из истории известно, что в 13 веке до н.э., афинский царь Тезей, храбрый, отчаянный и прекрасный, спас страну от Минотавра, прятавшегося в лабиринте. И с тех пор каждое восьмое число (день победы), каждого месяца в году благодарные сограждане праздновали в честь Тезея-покорителя лабиринта, победителя Минотавра. И какое-то время спустя кто-то, а возможно и сам Тезей, вспомнил, что не было бы подвига, если бы не любовь Ариадны, давшей ему клубок, держась за нить которого он вышел обратно. И будучи галантным и справедливым, один восьмой день в году, в память об Ариадне, весенний, когда просыпается для любви природа, он отдал всем другим женщинам. С тех пор 8-го марта, после зимней спячки, оживают в мужчинах джентльмены.

Итак, женщина — источник и движущая сила любви, хотя предложение руки и сердца идет от мужчин. И все объяснения в любви исходят от них же. Причем, если сравнить конструкцию фразы «я люблю тебя», произносимую на разных языках, то всюду на первое место выносится личность влюбленного. Человека интересует и волнует прежде всего факт его собственного душевного переживания. А потом уже объект любви.

4. ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ЛЮБВИ

Истинная любовь — всегда акт возвышения. В словах «С ума схожу, иль восхожу к высокой степени безумства», отражено не безумие любви, а ее сверхразумность. «Мажнун» — традиционная фигура влюбленного в восточных сказаниях. Причем по восточному этикету смотреть в глаза друг другу— верх неприличия. На всех фресках влюбленные изображаются с опущенными веками. И только Мажнун взирает на мир широко раскрытыми глазами. И он прекрасен, над ним как бы не довлеет ограниченность этикетности. И мы видим человека во всей красе его влюбленности.

Вместе с тем у Купидона завязанные глаза, влюбленные при поцелуе глаза закрывают и для любви выбирают темное время суток. Амур и Психея расстались, когда Психея захотела все узнать о своем избраннике. В отношениях между влюбленными должна оставаться черта, переходить которую не дозволяется другой половине. И это при жажде полного обладания физического и духовного. Еще одна парадоксальность.

Если сравнить два вида любви материнскую и эротическую, то для первой характерной чертой будет бескорыстие. Во французской легенде читаем: «У матери не было никого, кроме сына. Всю любовь она отдала ему. Мальчик рос беззаботно и весело. А когда он вырос и привел в дом молодую жену, плохо стало матери: ее невзлюбила невестка.

— Убей свою мать, а сердце ее выброси собакам, — сказала она. И ослепленный любовью юноша выполнил приказание. Но когда он, не видя ничего от слез, упал, сердце выпало у него из рук, и он услышал, как оно спросило человеческим голосом:

— Ты не ушибся, мой мальчик?

О бескорыстии материнской любви писал Б. Брехт в «Кавказском меловом круге». Если бы двум женщинам, спорящим о мужчине, предложили тянуть его за пределы круга, они тянули бы его, пока не разорвали пополам.

Парадоксальность любви состоит в том, что в ней тоже возможно корыстное бескорыстие.

Парадоксальность любви состоит не только в том, что «можно плакать и петь о потерянной любви». Можно сочинить нечто совершенно противоположное плачу. Как Имре Кальман у постели умирающей любимой жены написал одну из самых восхитительных своих опереточных арий.

Парадоксальность любви заключается в ее сосуществовании с ревностью. Медея, убившая на глазах Язона их детей, или врач, мстя мужу, приехала к его новой жене и отрезала у новорожденного его ушко (см. Известия статья «Непостижимое»).

В ревности проявляется личность любящего, его культура, темперамент, национальные особенности, диалектики общего и осо-

бенного. Вот примеры: Марина Цветаева обрушивает слова, полные уничтожающего сарказма:

Как живется Вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола свергши,
С оного сошед?

Сильва Капутикян в этой ситуации сразу начинает говорить открытым текстом:

Ушел! Но знаю всей душою,
Нам друг от друга не уйти,
Я знаю, я всегда с тобою,
Нам в этой жизни по пути.

Ярослав Смеляков в ситуации покинутого ведет себя совсем по-иному. В стихотворении «Любка» он говорит о чем угодно, но только не о том, почему они расстались. Он скажет 152 других слова, прежде чем наберется храбости сказать «чтоб ты провалилась». А ведь он мужчина, и к тому же Смеляков.

Самая большая парадоксальность любви — это одиночество.

Итак, парадоксальность любви отразилась в скрытой парадоксальности лекарства. При несомненном лидерстве мужчины, именно женщина является источником развития отношений. Вот, например, если бы не Ева, не ее дух противоречия, ум, ориентированный на дивергентность (мобильный и открытый), Адам так и сидел бы в Эдеме. Именно творческая душа Евы подвигла Адама на эксперимент с запретным плодом. Сказано, за каждым великим мужчиной стоит не менее великая женщина. Конечно, дело сделал Адам, но разбудила в нем деятеля Ева.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина на самом деле сказка рассказана не о них, а о старухе. Жили бы себе на воле золотая рыбка и в нищете старик, хотя их пути и пересеклись однажды чудесным образом. Сказка не состоялась бы, не будь рядом неугомонной старухи. Вовсе не жажда наживы двигала ею. Об этом великий поэт не стал бы писать, тем более сказку. Старуху сжигала страсть изведать новое, неизведанное. Как прекрасно играла она новые роли! Неважно, что в конце концов она осталась у разбитого корыта, как прежде. Зато какую сказочную жизнь она прожила! Есть, что вспомнить! От одного разбитого корыта до другого —колоссальная дистанция, на которой не раз прокрутился гегелевский закон отрицания.

Единственное, что не оправдывает старуху, так это потеря любви к старику. Может, в этом корень ее драмы. Да и за что его, такого любить — землянка развалилась, корыто прохудилось, рыбу поймать толком не умеет. Где уж и ему любить. Сказка — ложь, да в ней намек — добрым молодцам урок. Заметьте, не женщинам, — молодцам. Сочиняются легенды, сказки мужчинам и в назидание мужчинам же. В этом еще одна сторона парадоксальности любви: лидеры, которые не уверены, не рады своему лидерству.

Парадоксальность эротической любви проявляется в том, что притязание на полное обладание не должно реализоваться, создавая атмосферу трагического. Невозможно представить себе Ромео и Джульетту, доживших до пенсии.

Поскольку любовь — это вариант художественной коммуникации, то здесь необходим принцип недосказанности. Все русские сказки заканчиваются свадьбой. «И я там был, мед с пивом пил...» Нет ни одной сказки, которая начиналась бы со свадебного пира. Возвышенное в любви сопряжено с борьбой за нёе. Свадьба как бы снимает все противоречия, которые были на пути. Даже цветовое оформление свадебных нарядов жениха и невесты — это символ единения противоположного. Черное и белое. Но что будет, если смешать черное с белым? Серое. Цвет будней. Символ обыденного. Вот почему свадьба — это эпилог, а не пролог. И невеста — вся в белом, как чистый лист, на котором жизнь напишет неизвестно что. И сама она под белоснежной фатой. Тайна.

Парадоксальность эротической любви проявляется в том, что ее отражение в искусстве приобретает возвышенные черты в отсутствии взаимности. Самые прекрасные песни о любви — это песни о неразделенном или утраченном чувстве. Самые захватывающие драматические произведения те, в которых есть любовная измена.

«Все прекрасное на земле, родилось из любви к женщине», — заметил М. Горький. Но почему-то людям больше нравится читать и смотреть как эта любовь попирается. Нет фильмов и спектаклей, где бы зрители и читатели с интересом следили за любовью мужа к своей жене. Это возможно, к сожалению, только в анекдотах. Это еще одна парадоксальность любви.

Современники вспоминали, что отношения между Жорж Санд и Альфредом де Мюссе были не просто романом, а романом, как литературным жанром.

«Любовник», «любовница» — это не просто люди, занимающиеся любовью. Они только ею и ограничивают свое общение. Любовники не ведут общего хозяйства, не имеют детей, не создают дом, круг друзей. Они как бы пребывают в ином мире, лишенном обыденности. Иначе «любовная лодка» разобьётся о быт. Их окружает тайна, что и создает чудо. Если любовница переходит в ранг законной супруги, ее начинают ненавидеть еще более, чем предыдущую жену. Об этом хорошо писали классики, особенно французские.

Любовники вместе с тем совершают прелюбодеяние, то есть преступление против любви. Это грех измены. Фактом своего существования они попирают общечеловеческие ценности — верность, долг, в том числе и перед детьми (не случайно И. Каримов пишет о важности для детей «примера отца» (см. Узбекистан: свой путь обновления и прогресса. — Ташкент, 1992, с. 65).

Именно попирание возвышенного вызывает у публики ужас и ее извечный интерес к грехопадению. Язык четко определил этот вид любви как падение, а не возвышение. «Не прелюбодействуй!» — эта заповедь обращена к человеку со страниц священного писания, которое пыталось остановить человека у опасной черты. То, что в прелюбодеянии совершается обман, по отношению к прежней любви, это нравственная сторона. Эстетическая же оценка связана с тем, что общение любовников строится как игра. Герой романа шведского писателя Я. Сёдерберга «Серьезная игра» признается: «Любить я не могу, но могу быть верен всем правилам игры, ее мимике и жестам» (см. Сёдерберг Я. Серьезная игра — М. 1971. с. 188).

Любовная игра предполагает перемену ролей, использование масок («мимика и жесты»), романтику таинственности, смену декораций, антракты, подогревающие интерес. Все это делает общение любовников разновидностью художественной коммуникации, сродни театру. Возможно, это своего рода ремейк — потребность нового прочтения пережитого.

Игровая ситуация, особенно значима в современных формах эротической любви, групповых браках. Вот, что пишут газеты: «Две неразлучные подруги из Калининграда предлагают создать семью нового типа: один муж, две жены.» (см. «Аргументы и факты», 1991, № 46, с. 8)

Этот факт позволяет подойти к такому вопросу, как проблема диалектики любви.

В одной из песен М. Боярского, которую он великолепно исполняет в кинофильме «Куда он денется?», есть такие слова:

Все пройдет, и печаль, и радость,
Все пройдет, так устроен свет,
Все пройдет, только верить надо,
Что любовь не проходит, нет!

В это верить глупо. «Все течет и все изменяется». Любовь меняется, особенно на стыке эпох. Крутые перемены в жизни порождают «крутые формы любви». Это мы заметили уже по объявлению из «АиФ». Сравните язык любви 19 и 20 века:

А. С. Пушкин — Я Вас любил, любовь еще быть может,
В душе моей угасла не совсем,
Но пусть она Вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить Вас ничем.

Я Вас любил так пылко, безнадежно,
То радостью, то робостью томим,
Я Вас любил так искренно, так нежно,
Так, дай Вам Бог, любимой быть другим.

А сегодня, потерянное для любви поколение поет так:

Твои зеленые лосины будят во мне лося;
Дай мне ночь, дай мне шанс, ты не уснешь
И ты поймешь: я то, что надо!

Лекция V.

Тема: «ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ КАК ИСКУССТВО»

П Л А Н

1. *Искусство философского анализа.*
2. *Философия искусства.*

Гегель рассматривал философию как высшую ступень познания мира, а искусство — как его начальную, исходную фазу. Давайте представим себе, что нас окружают произведения живописи. Они родились в определенное время и отражают не только вечное и общечеловеческое, но и то, что было ценным для художника и его времени.

Если пользоваться философскими понятиями, то в произведениях отражается индивидуальное и общественное сознание, мировидение художника и его социокультурной среды. И это дает нам возможность говорить о философии искусства: понимании добра, красоты, смысла жизни, духовных ценностях, одним словом.

В то же время, мы можем как бы «вчитать» в произведение наш собственный опыт, наши ожидания. Словом, наше понимание, нашу интерпретацию, о которой художник и не помышлял. И здесь мы выходим на другой уровень — искусство философского анализа самого искусства.

Предлагаю вам внимательно рассмотреть картину известного узбекского художника Дж. Умарбекова «Человек разумный», само название которой имеет глубокий философский смысл. Обратимся к ее философскому постижению. Постараемся проникнуть в ее глубинный смысл.

Картина провозглашает красоту мира, человека, идей гуманизма, национальной дружбы. Мир человека и мир, в котором он живет, едины. Главная ценность мира — человек. Он — мера всех вещей.

Все персонажи как бы затянуты «паутиной времени». В центре — песочные часы, символизирующие Время и Вечность. Паутина — это не только знак прошлого, он и символ старинного, то есть того, что приобрело непреходящую ценность. В данном случае все, что создали персонажи этой картины, — это общечеловеческое достояние. Паутина как бы связывает всех в единое целое.

(Картина показывает диалектику общечеловеческого и национального. Человечество предстает как интегральный интеллект: грек Пифагор, итальянцы Данте, Леонардо да Винчи, Боттичелли (не он сам, а его изображение Венеры), гиганты центральноазиатской культуры — Беруни, Хорезми, Ибн Сино, А. Навои, еврей А. Эйнштейн, русский К. Циолковский.

Картина наводит на мысль о неисчерпаемости мира как объекта познания и многообразии путей познания. От геометрии Эвклида, через теорию относительности А. Эйнштейна — к идее межзвездных полетов К. Циолковского. Человек — конечен, но человеческое стремление к знанию бесконечно.

Великие ученые стоят на фоне знаков зодиака. Художник смотрит на мир глазами методолога, демонстрируя нам многообразие вненаучных методов постижения тайн [43].

Художник понимает жизнь как поступательное движение от низшего к высшему, от простого к сложному, через этапы «как бы повторения», но на более высоком урвоне спирали. Поэтому в левой стороне картины изображен человеческий зародыш в материнской утробе, а в правой — космонавт в скафандре, напоминающий «дитя человеческое» в Космосе, где он может жить, только сохранив связь с Землей. Его дыхательная трубка, как пуповина младенцу, сохраняет жизнеспособность.

Жизнь — это единство и борьба противоположного. Поэтому композиционно полотно представляет столкновение добра и зла, прекрасного и безобразного, жизни и смерти, знания и заблуждения, науки и искусства (ученые и художники, чудовище и богиня красоты, младенец и череп в руках Авиценны и др.).

В центре картины помещена Венера, как ее изобразил Ботиелли. Сам этот факт свидетельствует о связи прошлого с настоящим и будущим. Причем это единственный женский персонаж в картине, объединяющей двенадцать мужчин, ученых, поэтов, художников. (Кстати, число 12 — не случайно, оно необходимый элемент восточного миропонимания, выражающее универсальность).

Что же олицетворяет Венера? Прежде всего — это символ жизни, поскольку она богиня любви. И еще она — воплощенная красота. Не случайно греческая мифология называла Афродиту богиней любви и красоты (римляне нарекли ее Венерой). «Все прекрасное на земле родилось из любви к женщине» (М. Горький).

То, что узбекский художник, воспитанный на традициях мусульманской культуры, поставил в центр композиции женщину, да еще обнаженную, и заставил великих мужей всех времен и народов склонить перед ней свои головы, свидетельствует о приоритете общечелоческих ценностей. И эта ценность — любовь, в том числе и к Истине.

В Музее искусств Узбекистана есть много картин, которые дают возможность понять специфику философской формы общественного сознания:

В. Ахунов «Диалог с ангелами»,

С. Алибеков «Лес категорий»,

Р. Усеинов «Колесница», «Белый день»,

Г. Улько «В глубинах бездны»,

В. Джалолов «Воспоминание об Италии».

Какие произведения помогают понять особенности политической формы общественного сознания? Это такие картины, где объектом изображения являются отношения по поводу власти. Например:

А. Абдуллаев «Ташкентские комиссары».

Историческое сознание отражает отношение между прошлым и настоящим. Культура исторического сознания — показатель уровня развития общества, барометр его духовного здоровья. Здесь помогают такие произведения, как:

Г. Абдурахманова «Люди на земле».

Как заметил поэт, «тени забытых предков» жестоко мстят. «Иван, не помнящий родства», — это символ исторического бескультурья. Прошлое надо уметь осмысливать, причем с точки зрения самой эпохи, а не только вне ее. Последнее приводит к навешиванию идеологических ярлыков. «Никто не зыбыт, и ничто не забыто» — хорошие слова. Не зря же народная мудрость гласит: «Кто старое помянет, тому глаз вон. А кто старое забудет, тому оба долой».

Наше историческое сознание в настоящее время подвергается массированному воздействию. Обвальная информация о ранее неизвестном не всегда воспитывает культуру памяти, но может иметь негативные последствия. Потому что происходит переоцен-

ка ценностей, которая выбивает почву, веру в идеалы. Или наоборот, человек видит идеалы в прошлом.

В результате общество громит памятники прошлого как напоминание о своем историческом заблуждении, или слепо поклоняется им. Нужна культура исторической памяти. Например, в Чикаго до сих пор стоит памятник тому полицейскому, который 1 мая 1889 года открыл огонь по первым демонстрантам. Памятник сохраняют не потому, что Чикаго — это центр американской мафии, а потому что история — это то, что было и ее надо знать, чтобы не повторять своих ошибок.

Объектом отражения правоознания являются отношения с законом. Яркий пример дают картины:

В. Верещагин «Самаркандский зиндан»,

И. Казаков «На Регистане»,

«Правосудие» (неизвестный автор).

Моральное сознание отражает связи между людьми в их повседневном общении. Оно меняется исторически и является особенным в каждой социокультурной среде. В отличие от юридических оценок нравственные оценки регулируют поведение людей только на основе убеждения. Вспомним, как И. Кант благоговел перед тайной «закона внутри нас», а не того, который записан в документах.

Здесь интересны произведения:

Д. Умарбеков «Два городища»,

Д. Рузыбаев «Строители Большого Ферганского канала».

В настоящее время особую остроту приобрела культура религиозного сознания. Терпимость к другим вероучениям, о которой писали еще суфии 8 века, глубокое проникновение в смысл идей ислама присущи таким картинам, как:

А. Исаев «Дух предков»,

А. Хозратов «По пятницам въезд воспрещен»,

А. Нуритдинов «Молитва»,

А. Махкамов «Благословение»,

О. Татевосян «На празднике уразы»,

Р. Заддер «У самаркандской мечети».

Национальное сознание выражает самосознание народа. Характеризуя содержание национального сознания узбекского народа, отмечают такие черты, как идея «справедливости, равенства, добрососедства и гуманизма. Гуманизм — неотъемлемая черта национального духа узбекского народа. И сегодня узбекская семья — воплощение добра и света, любви к детям, почитания старших, чуткого отношения к близким и чужому горю» [5, 73].

Здесь интересны картины:

А. Фадеев «Сторожиха»,

А. Нуритдинов «Анор»,

Л. Абдуллаев «Бабушка и внучка».

Во второй половине XX века под воздействием НТП сформировалась экологическая форма общеизвестного сознания. Объектом отражения являются сложные отношения между природой и обществом.

Обычные пейзажи известны истории живописи издавна, но в них нет боли и горечи утраты. Здесь помогают картины:

Ф. Ахмадалиев «Волчица»,

С. Алибеков «Сыр-Дарья»,

В. Бурмакин «Экологическая диверсия»,

Г. Улько «Арал».

Научная форма общественного сознания отражает закономерности бытия. Это, например, картина **А. Барахтанского «Наука» или скульптура П. Антольского «Мыслитель».**

Эстетическое сознание отражает действительность, преображенную по законам красоты в художественных образах. Например, Л. Абдуллаев «Портрет Абрара Хидоятова в роли Отелло». Личность А. Хидоятова, одного из лучших в мире исполнителей роли Отелло, неразрывно связана с национальной культурой. В то же время через образ шекспировского героя — с духовной культурой европейского Возрождения.

Особое место в структуре общественного сознания занимает гражданское сознание. Например в США, где живут американцы, нашли свою родину люди самых разных национальностей. Узбекистанец — это не национальный признак, а выражение принадлежности к гражданству. Узбекистанец — это гражданин суверенного государства — Республики Узбекистан.

Взаимосвязь форм общественного сознания легко осознается при обращении к символике государственного флага. «Патриотические чувства народа, его стремление к свободе, счастью находят воплощение в государственной символике независимого Узбекистана, которая приобретает священный смысл для каждого Узбекистанца» [5, 79].

Флаг — это прежде всего символ государства, т. е. он фиксирует наличие политического, правого и гражданского самосознания народа.

Голубой цвет на знамени — это символ вечного неба и воды, как основных источников жизни. Это и цвет знамени Амира Темура. Голубая полоса — символ жизненности и исторической преемственности. Т. Е мы имеем дело с экологическим и историческим миропониманием. Белая полоса на флаге — это традиционный для узбекского народа символ мира, пожелания доброго пути (ої йПл), стремление к нравственной чистоте. Т. е. здесь проявляется историческая и нравственная оценка.

Зеленый цвет — цвет природы, новой жизни для страны, где преобладающей частью населения являются мусульмане, кроме того, он символизирует тесную связь истории с современным

движением «зеленых» за охрану природы. Т. е. здесь мы видим историческое, религиозное и экологическое мироощущение.

Красные линии — это жизненная сила, неиссякаемая и связывающая наши добрые, чистые помыслы с вечным небом и реальными делами на земле. Здесь ясно проступает философское мировидение. В настоящее время в науку вошло понятие «витальность», которая изучается как социально-философская проблема. Витальность понимается как мощь, напор жизни, способность к выживанию [102, 95].

Молодой полумесяц связан с историческими традициями и одновременно может рассматриваться как символ рождающейся независимой республики. Так проявляется историческое, религиозное и правовое сознание народа.

На государственном флаге Республики Узбекистан изображены 12 звезд, что связано с историческими традициями, древним солнечным календарем, который начинается с Навруза. Названия 12-ти месяцев этого календаря являются одновременно и названиями 12 созвездий. Почитание 12 звезд связано с развитием науки. Всему миру известен звездный каталог Улугбека. Во всем мире проявляют интерес к 12-ти годовому солнечному циклу — мучалу. Опыт наших предков лег в основу восточной философии, считающей число 12 признаком всеохватности. Следовательно, здесь мы видим проявление исторического, научного и философского сознания [101, 1].

Сочетание графики, цвета, гармония и высокий смысл образов свидетельствует об эстетическом сознании.

Лекция VI.

Гема: «ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭЗИЯ ВОСТОКА»

П Л А Н:

1) *Поэтическое мировидение как общечеловеческая потребность.*
2) *Философские проблемы в творчестве О. Хайяма.*
3) *Философские основания поэзии М. Бедиля.*
4) *«Смятение праведных» — философское завещание А. Навои.*

1. ПОЭТИЧЕСКОЕ МИРОВИДЕНИЕ КАК ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

Европейская цивилизация родилась из поклонения разуму.

Еще ПЛАТОН написал над входом в Академию «Без знания математики вход воспрещен». Но уже Сократ понял, какая Это трагедия поклоняться только разуму. Мир долго этого не понимал.

А. ДЮРЕР искал математическую формулу красоты. Музыка САЛЬЕРИ осталась только с разумом и она стала умирать. Но она не хотела умирать. И. С. БАХ и А. МОЦАРТ соединили разум с интуицией.

ГЕТЕ показал, что Фауст потому и продал душу дьяволу, что не понял, как недостаточен один лишь разум. И нужна любовь, чувства.

О недостаточности одного лишь разума говорили суфии. ИБН СИНА стал писать философские поэмы, которые оказали влияние на «Божественную комедию» ДАНТЕ, «Витязя в тигровой шкуре» Ш. РУСТАВЕЛИ, на живопись П. БРЕЙГЕЛЯ и И. БОСХА. Это была новая форма философского трактата.

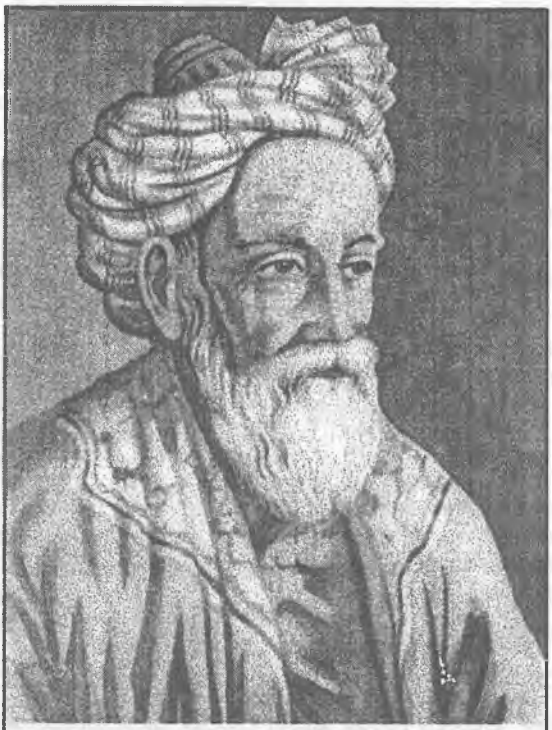
Философская поэзия родилась как необходимость, в ответ на человеческую потребность более глубокого расширения мира.

Философская поэзия свойственна всей мировой культуре. В поэтическом языке больше средств для выражения глубины мысли.

На Востоке Коран написан стихами (аятами), это давало еще и возможность иносказания, домысливания, когда за образом прочитывался скрытый смысл.

Гегель не случайно назвал поэзию «музыкой для внутреннего слуха и живописью для внутреннего глаза», поставив ее выше всех искусств.

2. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ О. ХАЙЯМА



ОМАР ХАЙЯМ
(1048—1122)

О. Хайям персидский и таджикский поэт, математик и философ. Большую часть жизни провел в Самарканде и др. городах Ср. Азии и Ирана. В философии был последователем Аристотеля и Авиценны.

Всемирную известность принес ему цикл четверостиший — Рубаи. Многие приписывались ему.

Возможно строгий логический ум математика Омара Хайяма особенно чувствовал потребность иного, непрозаического, языка для выражения глубинных, философских идей. В своих стихах он предстает открыто, **как личность, имеющая свои принципы чести, красоты, достоинства.**

В средневековой философии Востока проблема человеческого счастья была исходной. О ней впервые заговорил первый арабо-исламский философ Аль-Кинди (умерший в 879 году).

В чем совершенство человека? — В счастье.

Как достигается счастье? — Через знание и поведение.

Какого рода это знание? — Это знание сущего (т. е. философское).

Каково поведение, дающее счастье? — Добродетельное.

Однако когда Аль-Кинди рассуждал, как же это знание постигается, он отвергал поэзию, поскольку она, по его мнению, «удаляет человека от этого знания». То есть Аль-Кинди разводил художественное и философское познание. У Омара Хайяма мы наоборот видим сближение этих путей. Когда он рассуждает о счастье, он исследует эту проблему как философ и поэт:

«Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть — их по пальцам легко перечесть».

Хотя ученый и поэт подходил к вечным вопросам бытия, О. Хайям не позволял себя называть философом.

«Меня философом враги мои зовут.
Однако, видит бог, — ошибочен их суд.
Ничтожней много я: ведь мне ничто не ясно.
Не ясно даже то, зачем и кто я тут».

Омара Хайяма волновала, как истинного философа, главная проблема — что есть человек. Как раз в это время Таухиди сформулирует эту главную проблему времени: «человек стал проблемой для человека».

«Если неизменной похоти станешь рабом,
Будешь в старости пуст, как покинутый дом,
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть — и куда ты потом?»

Эти же вопросы потом задаст своему времени Иммануил Кант, 700 лет спустя.

Основная проблема — **смысл жизни.**
«Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, а где, скажите, дым?»

Поэта подвигает к раздумьям **однодневность человеческого бытия:**

«Спросил у чаши я, прильнув устами к ней:
«Куда ведет меня чреда ночей и дней?»
Не открывая уст, ответила мне чаша:
«Ах, больше в этот мир ты не вернешься. Пей!»

И в этой краткодневности жизни особенно остро осознается загадочность ее смысла.

«Приход наі и уход загадочны, — их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели.
Где круга этого начало, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?»
«Пускай ты прожил жизнь без тяжких мук, что дальше?

Пускай твой жизненный замкнулся круг, что дальше?
Пускай, блаженствуя, ты проживешь сто лет
И сотню лет еще, — скажи, мой друг, что дальше?»

Поэта и математика интересует философская постановка, не количество прожитых лет, а качество жизни. **ЕЕ СУЩНОСТЬ?** Это особенно актуально звучит сегодня, когда геронтология стремится продлить человеческую жизнь.

Один из краеугольных вопросов науки и философии — первопричина бытия, **детерминация** всего сущего.

«Был ли в самом начале у жизни исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели,—
Ни один разгадать ее толком не смог».

Особенное место занимают рубаи, в которых отразилось понимание взаимоотношений **Бога и человека**, и степень свободомыслия поэта.

«Ко мне ворвался ты, как ураган, Господь,
И опрокинул мне с вином стакан, Господь!
Я пьянству предаюсь, а ты творишь бесчинства?
Гром разрази меня, коль ты не пьян, Господь?»

Одинаково негативную характеристику получали все религии, поскольку они культивируют покорность духа:

«Дух рабства кроется в кумирне и Каабе,
Трезвон колоколов — язык смиренья рабий,
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.»

В то же время мир предстает как создание Всевышнего:

«Лепящий черепа таинственный гончар
Особый проявил к сему искусству дар:
На **скатерть бытия** он опрокинул чашу
И в ней пылающий зажег страстей пожар.»

Философы задумывались над **вопросом детерминации таланта**, гениальности. Что стимулирует научный поиск и поэтическое вдохновение? Что является причиной озарения, открытия? Одно ли божественное провидение?

«Мы — послушные куклы в руках у творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене Всевышний по ниточке водит
И пихает в сундук, доведя до конца.»

Но творческое начало самого поэта не соглашалось с такой трактовкой, и в другом месте читаем:

«Как нужна для жемчужины полная тьма,
Так страданья нужны для души и ума.
Ты лишился всего, и душа опустела?
Эта чаша наполнится снова сама!»

Диалектическая противоречивость человеческой сущности предопределена Богом:

«Благородство и подлость, отвага и страх —
Все с рожденья заложено в наших телах.

Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже —
Мы такие, какими нас создал Аллах».
«Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник,
Человек, словно в зеркале мир — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!»

Поэт понимал жизнь как **единственно возможную для человека форму бытия:**

«Боюсь, что в этот мир мы вновь не попадем,
И там своих друзей — за гробом — не найдем».

И тем не менее мироощущение поэта **оптимистично.**

«На розах блистанье росы новогодней прекрасно,
Любимая — лучшее дело господне — прекрасна.
Жалеть ли минувшее, бранить ли его мудрецу?
Забудем вчерашнее! Ведь наше сегодня — прекрасно».

«Не молящимся грешником надобно быть.
Веселящимся грешником надобно быть.
Так как жизнь драгоценная кончится скоро —
Шутником и насмешником надобно быть».
Мировидение О. Хайяма отличалось **эстетичностью**:
«Этот мир красотою Хайяма пленил,
Ароматом и цветом своим опьянил».

Известно, что **буддизм** с его идеей переселения душ пришел в Китай через Среднюю Азию. Идеи **реинкарнации** были очень распространенны, но О. Хайям оставался верен идее единственности, **уникальности** жизни человека.

«Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться: как там дела?»

«Я нигде приклонить головы не могу.
Верить в мир замогильный — увы! — не могу.
Верить в то, что, истлевши, восстану из праха
Хоть бы стеблем зеленой травы — не могу.»

Сама **жизнь предстает как вечный поток противоречий.**

«Несовместимых мы всегда полны желаний:
В одной руке бокал, другая — на Коране,
И так вот мы живем под сводом голубым,
Полубезбожники и полумусульмане.»

О. Хайям философски относился к феномену смерти, как антиподу жизни.

«От страха смерти я, — поверьте мне, далек:
Страшнее жизни — что мне приготовил рок?»

Смерть расценивается как **конец бытия**, который несовместим с величием человека как Божьего создания.

«Когда вселенную настигнет день конечный,
И рухнут небеса и Путь померкнет Млечный,
Я, за полу схватив Создателя, спрошу:
«За что же ты убил меня, владыка вечный?»

Как ученый, О. Хайям сталкивался с конечными истинами. Как философ он соприкасался с бесконечностью мира и познания:

«Вплоть до Сатурна я обрыскал божий свет.
На все загадки в нем сумел найти ответ.
Сумел преодолеть все узы и преграды,
Лишь узел твой, о смерть, мной не распутан, нет!»

Человек и его способность к познанию — вот основной круг интересов О. Хайяма.

«Знаний сердце мое никогда не чуралось,
Мало тайн, мной не познанных, в мире осталось.
Только знаю одно: ничего я не знаю —
Вот итог всех моих рассуждений под старость».

В этом выводе ясно слышны реминистенции сократовского вывода о бесконечности процесса познания и относительности истины.

Рассматривая **стремление к познанию как сущностную черту** человека, О. Хайям видел ограниченность возможностей в условиях человеческого существования, способностях индивида. Абсолютное познание — невозможно.

«Гонит рок нас по жизни битой, как мячи,
Ты то влево, то вправо беги и молчи.
Только тот, кто устроил нам бешеный гон,
Он один знает смысл его скрытых причин».

Как ученый, О. Хайям постоянно стремился к истине. Он дал в геометрической форме решение уравнений до третьей степени, разработал оригинальную теорию параллельных, нашел метод определения золота и серебра в состоящих из них телах. Но как философ, он понимал **относительность познания**, строгую конкретность истины.

«Ты все пытаешься проникнуть в тайны света,
В загадку бытия... К чему, мой друг, все это?
Ночей и дней часы беспечно проводи,
Ведь все устроено без твоего совета.»

Однако поэт-философ понимает **безбрежность процесса познания**, его притягательную силу, которую он, как ученый, познал на личном опыте.

«Кто в тайны вечности проник? Не мы, друзья,
Осталась темной нам загадка бытия...»

Обращение к вину сам поэт расценивает как стремление уйти от неразрешимых вопросов. Как говорили древние, «истина в вине».

«Мы пьем не потому, что тянемся к веселью,
И не разнузданность себе мы ставим целью.
Мы от самих себя хотим на миг уйти
И только потому к хмельному склонны зелью.»

Разумность как главная конститутивная черта человека подчеркивается им неустанно. Вот почему он так резко проводит грань между разумностью и глупостью:

«Общаясь с дураком, необерешься срама.
Поэтому совет ты выслушай Хайяма:
Яд, мудрецом тебе предложенный, прими,
Из рук же дурака не принимай бальзама.»

О. Хайям, как и все великие художники, познал горечь общения с власть имущими, поэтому в его рубаях сквозной темой проходит тема отношений поэта и власти.

«Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глодать, чем прельститься сластями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.»

Одно из следствий неразумной власти — состояние духовной жизни общества, которую определяет интеллигенция.

«Тот, кто следует разуму — доит быка.
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.»

«Если мельницу, баню, роскошный дворец
Получает в подарок дурак и подлец,
А достойный идет в кабалу из-за хлеба,
Мне плевать на твою справедливость, творец!»

Кроме того, О. Хайяма, понимавшего драму взаимоотношений поэта и власти, беспокоила и более широкая проблема — отношение политики и нравственности.

«В этом мире глупцов, подлецов, торгашей,
Уши, удрый, заткни, рот надежно зашей.»

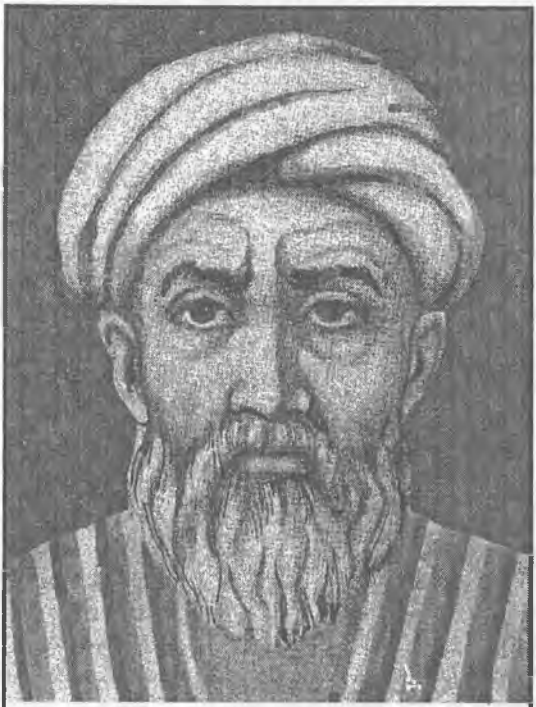
Прожив почти восемь десятилетий, О. Хайям о многом передумал, многое переосмыслил. Но одна «пламенная страсть» осталась — мысль о загадке человеческого бытия.

«Я пришел — не прибавилась небу краса,
Я уйду — будут так же цвести небеса.
И никто объяснить мне, наверно, не сможет,
Ухожу почему и зачем родился.»

В одном только оказался не прав О. Хайям. Его поэзия — это подлинная «краса», которая стала достоянием всего человечества.

Стихи цитируются по изд. Омар Хайям. Рубаи. Сост. Ш. Шамухамедов. Т.:Изд.ЦК.Кп.Узб.1978. В пер. с фарси О. Румера, И. Тхожевского, В. Державина, Г. Плисецкого, Н. Стрижкова.

3. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЭЗИИ М. БЕДИЛЯ



М. БЕДИЛЬ
(1644—1721)

Мирза Абдулкадыр Бедиль прожил долгую жизнь, и 4000 его стихотворений — рубаи продолжают жить и по сей день. М. Бедиль происходил из тюркского племени Барлос, из которого сформировались нынешние шахризябские узбеки. Учился в медресе, занимался самообразованием, служил на военной службе, интересовался наукой, был литератором.

Он много путешествовал, общался с учеными, художниками, поэтами, что значительно расширило его мировидение. М. Бедиль отказался писать хвалебные оды правителю и вынужден был эмигрировать. Жил в нужде, зарабатывал перепиской книг.

М. Бедиль написал замечательные произведения по философии, получившие широкую известность на Востоке. Был гуманистом, сторонником свободного развития человеческой мысли, проповедовал единство религий и народов Индии. Критиковал идеи переселения душ брахманизма и предопределения. Всего М. Бедиль написал 16 книг.

Советская Энциклопедия писала о нем в 1970 году как об «индийском поэте и мыслителе, писавшем на фарси в духе суфийской мистики «(БСЭ, т. 3, с. 214). А два десятилетия спустя, когда закончилась «оттепель» общественной жизни в СССР, «Философско-энциклопедический словарь «вообще не упомянул его имя. Это вполне соответствовало позиции воинствующего атеизма эпохи «застоя». (См. Филос. энц. словарь. Под ред. Л. Ф. Ильичева. — М., 1983).

Тем замечательнее выход в свет сборника этого поэта-философа, изданного к 270-й годовщине его кончины на его исторической родине. В 1994 году исполнилось 350 лет со дня его рождения, и интерес к М. Бедилю продиктован возрождением духовности независимого Узбекистана.

Переводчик М. Бедиля А. Наумов пишет, что произведения поэта «современны, потому что он понимал вечные проблемы бытия, становления и упадка человеческой личности, стремился раскрыть законы общежитий» (Бедиль М. Рубаи. — Т., 1991, с. 2).

«С тех пор, как бытия блеснули зеркала,
Взманили каждого иных существ тела.
Кто ближних разглядел, кто в суть свою всмотрелся?»

Стремясь проникнуть в тайну человеческого существования, он искал сущностные черты человека. К ним он относил активно деятельный момент бытия.

«Смотри, Бедиль, в блаженстве и беде,
Покой — мираж, движение — везде».

Интересно подметить, что философская поэзия О. Хайяма и М. Бедиля отличалась личностным подходом к анализу проблем. Это проявилось в том числе и в том, что авторы не скрывали свою позицию настолько, что постоянно упоминали свое имя. И это было не самовосхвалением, не самопропагандой, а именно осознанием ответственности за свои идеи.

Для М. Бедиля проблема бытия человека была основной. Он рассматривал жизнь человека как диалектический процесс:

«Пиршество, что не кончается, хуже, чем траур,
Радость, в которой раскаются, — горше отравы.»
... «Нет розы без шипов в саду мирского бденья?»
Где счастье без утрат и взлеты без паденья?»

Хотя поэт понимал жизнь как бесконечную цепь перехода в свою противоположность, его мировидение в целом оптимистично:

«Нам говорят, что смерть — лишь смена бытия,
Тогда вдвойне та жизнь, что мы имеем — милость».

Вместе с тем, оптимизм мировосприятия не мешал поэту критически оценивать мир:

«Сейчас, когда мужи, увы, на баб похожи,
А женщин мужество сама эпоха множит...»
Давно пора учиться молодым
Рожать детей да и кормить их тоже».

Поэт — философ рассматривает человека как свободного субъекта. Свобода мыслилась им как необходимое условие человеческого бытия.

«Желаньем пренебречь — кто мог на этом свете?
Свобода духа здесь — пустой мираж столетий.
К чему не прикоснись, всем жаждешь обладать,
Как дух освободить и сбросить путы эти?»

Поскольку Бедиль жил в Индии, то в его мироощущении были оценки, свойственные буддизму. Причем они соответствовали элементам суфийской концепции. Например, в трактовке земных желаний как основы человеческой несвободы. Ценность свободы как общечеловеческой ценности особенно наглядно выражена в тех рубаи, где речь идет о соотношении власти и творчества.

«Не мучься, о, Бедиль, сознаньем здешней доли.
В неведенье играй иль вздор неси бредовый.
Что кроме дыма лжи, здесь, в этом доме есть?
Закрой глаза на все — иль прочь беги из дома».

Полтысячи лет до него об этом же на другом краю света писал О. Хайям:

«В этом мире глупцов, подлецов, торгашей,
Уши, мудрый, закрой, рот надежней зашей!»

Мир внешней несвободы лишь обостряет потребность в свободе. Внутренняя эмиграция рассматривается поэтому как проявление этого стремления. У Бедиля можно найти характеристику несвободного общества как бесчеловечной формы бытия, установленной, как это ни парадоксально, самим человеком:

«Чтоб накормить живот, не сделались, однако,
Осел слугой осла, рабыней пса — собака.
Поработить подобного себе
Лишь человек и посчитал за благо».

Мера свободы духа осознается через степень способности к богоборчеству.

«Хоть ведаю, Бедиль, пути к спасенью нет —
Пусть шагом, пусть ползком — иди, вот наш завет!
И, право, чем свершать круги вокруг Каабы,
Уж лучше, словно, тень — за человеком вслед!»

Одной из самых характерных черт человека Бедиль считал способность к общению и потребность в нем:

«Дорогу бытия борьба и горе метят,
Иначе жизнь прожить нельзя на этом свете.
Пока мы средь людей, бежать от них — беда.
Общенье — жизни дар, а разобщенье — смерти.»

В начале 18 века еще не знали страшное слово «отчуждение», но Бедиль, мыслитель — поэт, предвосхитил этот негативный феномен.

Хотя отмеченные черты — активность, способность к творчеству, общению, потребность в свободе, оптимизм и критичность — расценивались поэтом как основополагающие характеристики человека, все-таки критерием человеческого он считал его способность к познанию, самопознанию.

«... познать самих себя — вот воскресенья диво!»
«Кто знание законченным представит?
Ум не вмещает всех его пристанищ».
«Познание пути — в зигзагах вечных,
О том, что рядом спросишь — не отвечу.
Что тайны недр, когда самой свече
Извечно темен собственный подсвечник!»

Проблема познания анализировалась и в ученых трактатах, и в рубаи. Но и в исследовании М. Бедиль сохранял художественно-образный стиль изложения. Вот как он писал об этом же в произведении «Кулиет»:

«... вера без разума, как зеркало без амальгамы. Совесть без разума — такой же несуществующий мираж, как вода без источника».

«Все, что не познано разумом, закрыто человеку».

Как поэт-мыслитель М. Бедиль уделял много внимания осмыслению творческой способности человека, эстетическому мировидению:

«Любой живой узор рожден душой счастливой,
И рай для взора в нем, коль рассмотреть смогли вы.
Уродство, красота — лишь мера наших глаз,
Предметы ни при чем, коль отраженья кривы».

Абу Райхан Беруни на протяжении 13 лет писал книгу об Индии. И это в то время, когда все персидское и тюркское противопоставлялось индийскому, как высшее — низшему.

Через 700 лет живший в Индии Мирза Бедиль на языке фарси станет писать о человеке, как бы продолжая мысль своего духовного предшественника, сказавшего: «Все мы — одна семья».

Вот почему сегодня обращение к культурному наследию прошлого необходимо для сохранения нашей духовности. М. Бедиль, великий персоязычный поэт Индии, жил в эпоху заката империи Великих Моголов, когда особенно видны закономерности которому подвержены люди и общества. Диалектика развития по законам, которые еще не были сформулированы Гегелем, предвосхищены поэтом:

«Зерно раскрылось, кончив долгим сном,
Пустило корень в сумраке земном,
И так своей и не постигнув сути,
Вновь обернулось в колоске зерном».

Диалектика содержания и формы, сущности и явления пронизывают поэтические рассуждения М. Бедиля:

«Что роза без куста, искусство форм — без сути?
И голый смысл безлик, что в мыслях не рисуйте,
Рождает форму суть, находит в ней расцвет,
И только в ней живет, как ни судите, судьи».

Философская сущность поэзии М. Бедиля придала его содержанию глубокий смысл и прекрасному форму.

1964 г.
S = 66 тыс. км²
V = 1064 км³
Засоленность = 10 г/метр
Высота воды (h) = 53,4 м

1964 г.
S = 32,5 тыс. км²
V = 400 км³
Засоленность = 20 г/метр
Высота воды (h) = 32,5 м

Становление человека в филогенезе

(конститутивные черты)

КОГНИТИВНЫЕ

- разумность / иррациональность
- рефлексия / медитация
- изобретательность
- экстрасенсорика
- речь и молчание
- осознание смертности и бессмертия

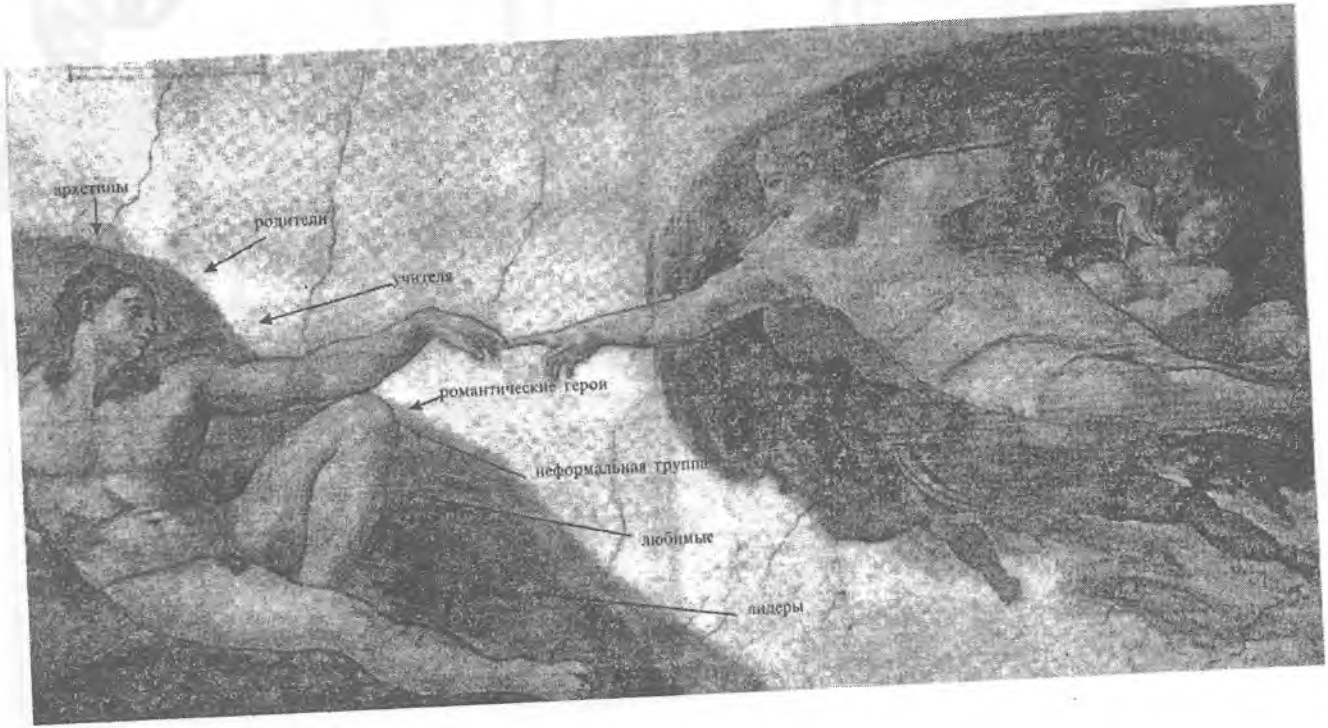
НРАВСТВЕННЫЕ

- вызов судьбе (героизм)
- стыд и совесть
- потребность в общении и одиночестве
- вера, надежда, любовь

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ

- потребность в красоте
- труд (творчество)
- способность к юмору
- игра

Становление человека в онтогенезе



Фалса Фа

1. Абу Наср Фараби (873-950)

"До каких пор мы будем делать друг другу зло?"

2. Абу Райхан Беруни (973-1048)

"Все мы - одна семья?"

3. ИБН-СИНО (980-1037)

"Пророк приносит страдания лишь тому, кто одержим страстью к совершенству"

4. Ахмад Яссави (1103-1166)

"Если будет перед тобой неверный, не делай ему обиды"

5. Нажмиддин Кубро (1145-1221)

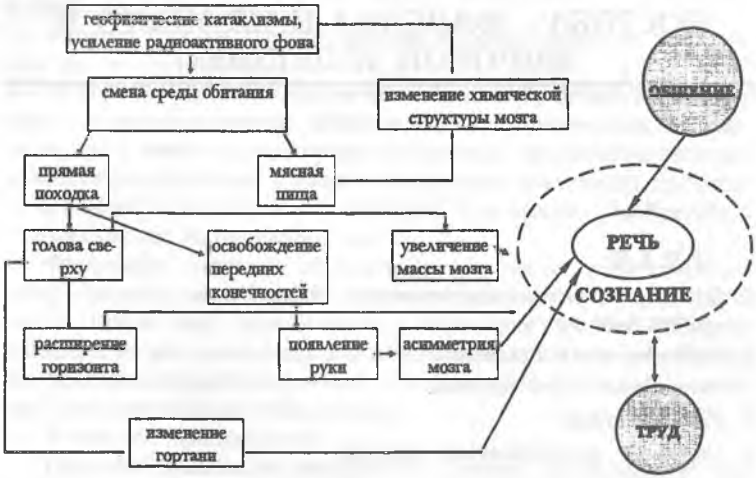
"На пути учения стремись к совершенству"

6. Бохоуддин Нокшбанди (1318-1389)

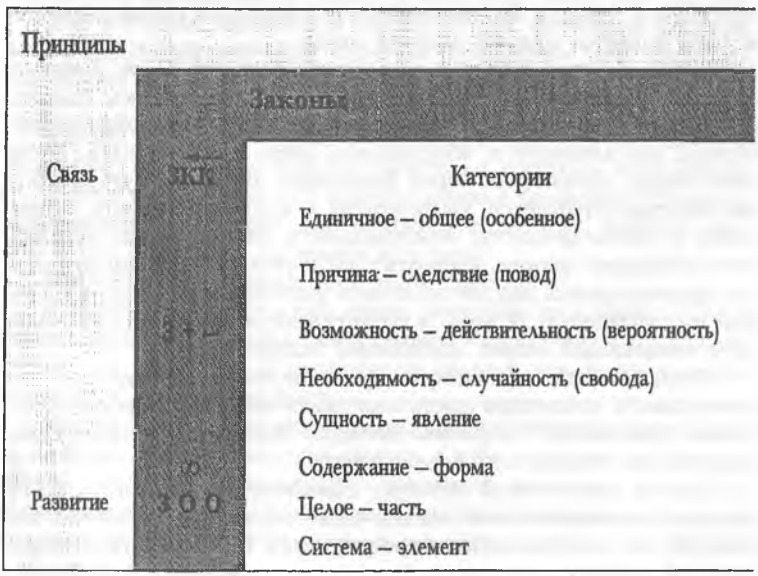
"Сердце отдай Аллаху, а руки - делу"

1. Деятельный характер
2. Идеал жизни: счастье = справедливость
3. Философия ➔добродетельное поведение ➔знание ➔объединение людей ➔счастье ➔совершенный человек
4. Рационализм как основа гуманизма
5. Просветительство
6. Открытость культурного диалога
7. Оптимизм
8. Свободомыслие

Детерминация сознания и языка



Диалектика как система



Лекция VII.

Тема: «ФИЛОСОФИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА... ФАЛСАФА И ЕЕ МЕСТО В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ»

П Л А Н:

1. *Понятие "Философия просвещенного Ислама" и ее сущностные черты.*
2. *Суфизмы и его духовность.*
3. *Философские идеи суфизма.*
4. *Великие суфии.*
5. *Суфизм и художественная культура.*

1. ПОНЯТИЕ "ФИЛОСОФИЯ ПРОСВЕЩЕННОГО ИСЛАМА".

История философии, представленная в наших старых учебниках, обходила стороной этот феномен или давала ему неадекватную оценку. Сегодня восстановление исторической спhаведливости, истины является важной задачей науки.

В своем докладе на I сессии Олий Мажлиса, И. А. Каримов отметил: «В важном деле построения нового общества мы должны использовать мощный духовный потенциал Востока, философию Ислама, призывающую к объединению, миру и терпимости». Здесь дана общая, сущностная черта философии Востока. Чуть дальше это понятие углубляется. Характеризуя высокую духовность, стремление к просвещенности, образованности, свойственные менталитету узбекского народа, президент добавляет: «во многом эти черты сформировались под воздействием философии Востока, философии просвещенного Ислама, в развитии которых узбекский народ внес неоценимый, всеми признанный вклад» (, (.

Итак, понятие «философия просвещенного Ислама» — это совокупность концепции восточных мыслителей исламской культурной ориентации, стержнем которых была идея просвещения, образования, терпимости и всеединства.

Если в европейской культуре Просвещение связано с XVIII веком и его характерной чертой был секуляризм (развитие вне религии), то для философии просвещенного Ислама следует отметить три важных момента:

1. он наступил на 800 лет — 900 лет раньше

2. развивался в лоне исламской веры

3. кроме идей просвещения пропагандировал идеи терпимости и единения человечества.

Именно **Райхан Беруни** первым высказал мысль о том, что «все мы — одна семья».

Определяя стратегию развития независимого общества, мы все чаще вспоминаем великих мыслителей нашего отечества. Их имена звучат с трибун международных форумов, парламента, увековечиваются в юбилейных изданиях, бронзовых памятниках, названиях площадей, произведениях искусства. Тем важнее разобраться в содержании их философских идей.

Философия издревле делилась на две части: теоретическую (цель которой знание ради знания) и практическую (цель которой — знание ради деятельности). Философия Востока, развивая теорию, в то же время была в большой мере практической. Знание без действия расценивалось как нежелательное. Философ должен был быть деятельным. *(См. логему).*

В чем это проявлялось?

Изучение философии начиналось с этики, необходимого знания по культуре общения. Далее. Философ одновременно был исследователем: математиком, физиком, астрономом, врачом. Причем и теоретиком, и практикующим. Еще Гегель заметил, что крупнейшие арабо-исламские философы были врачами. Ибн Сино написал 43 медицинских трактата, **Аль-Кинди** — 24 книги по медицине и фармакологии, **Ибн-Туфейль** был известным врачом.

Еще в IX веке первый оригинальный арабо-исламский философ **Аль Кинди** в трактате «Как уберечься от печалей» давал философский совет: «если нет того, что мы хотим, надо хотеть то, что есть».

Каково же общее желание людей, от которого невозможно отказаться? Это жажда счастья. Категория «счастья» стала одной из главных в средневековой арабо-исламской философии. Импульс арабо-исламской фалсафе дала античная философия. Понятие «калам» тоже пришло из греческой культуры.

Как человек понимает, что такое счастье?

В русской культуре само слово «счастье» уже имеет в себе ответ. Корень этого слова (часть) вместе с приставкой (с) означает, что счастье — это сопричастность чему-то, что человек расценивает как высшую ценность.

Иногда счастье интерпретируют, как способность наслаждаться жизнью именно в данную минуту. Слово «счастье» сходно со словом «сейчас». Современные психологи полагают, что наша неспособность жить в настоящем времени, а постоянно думать о прошлом или будущем, волнуясь и переживая, лишает нас счастья и порождает стрессы.

Как же истолковали счастье теоретики фалсафы?

Идея счастья на Востоке связывалась со справедливым социальным бытием. Возникло понятие «мадина» — город. Не просто место для жизни, а единственно приемлемое по своим достоинствам. И **Фараби**, и **Ибн Рушд** моделировали «Град философов» как антитезу современному им обществу. **Фараби** называл такое счастливое общество «Добродетельным градом», **Ибн Сино** — «Справедливым градом», **Ибн Рушд** — «Совершенным градом».

Невежественный город, о котором писал Фараби, — это общество, в котором господствует отрицательная нравственность.

Фараби не просто изучал античных авторов, но вступал с ними в диалог. Так, конспектируя Платона, Фараби писал: «В чем совершенство человека? В частье. Как достигается оно? Через знание и поведение. Какого рода это знание? Это знание сущности. А какое поведение дает счастье? Добродетельное.»

Фараби делал вывод о том, что постичь это знание можно только через философию. Он рассматривал фалсафу как размышление о человеке и идеальных условиях его существования. Вот почему именно **Фараби** рассматривается как основоположник арабо-исламской философии.

Здесь мы соприкасаемся с еще одной особенностью фалсафы: У **Фараби** есть вывод» человек стал человеком, благодаря разуму. Поэтому счастье достижимо». То есть рационализм — это сущностная черта человека. Более того. Рационализм фалсафы придал ей высокую степень гуманизма. Поскольку все люди разумны, постольку все они могут участвовать в достижении счастья. Таков гуманистический идеал фалсафы.

Здесь нужно сделать весьма существенное уточнение. Гуманизм фалсафы **(у Фараби, Ибн Сины и Ибн Баджа)** был связан с идеей необходимого объединения людей для достижения счастья. Он изначально был ориентирован на общность, а не индивида.

Еще одна особенность: в этом единении людей большое значение придавалось деятельному философу. **У Фараби** читаем: «Политика является практическим искусством, которое направляет души к счастью. Философия и политика должны существовать в единстве».

Особенность фалсафы — как философии просвещенного Ислама — проявилась в ее просветительской направленности. А в ней — распространение идей античности. Античная философия трагически закончила свое существование, когда в VI в.н.э. император Юстиниан специальным указом запретил преподавать философию и закрыл философскую школу в Афинах. В 529 году — этом черном году в истории философии, из Афин были изгнаны любители мудрости. Историки писали, что «после этого акта духовного вандализма закончилась целая эпоха в развитии человеческой мысли» (, 340).

(К сожалению, это был не последний «акт духовного вандализма». Его повторил В. И. Ленин, по распоряжению которого российские мыслители были изгнаны за пределы страны. Три парохода философов, ученых вынуждены были покинуть родину).

529 год мог стать концом античной культуры, если бы не жаждущий знаний Восток. Именно благодаря философам Востока античная мысль не угасла. С IX века арабам стали известны труды Аристотеля, и через них вся Европа познакомилась с гениями философии.

У вас может возникнуть вопрос, а почему именно Восток, а не Запад выступил в роли защитника идей, взяв на себя миссию спасения. Дело в том, что на Востоке сложилась особая духовная атмосфера, которая способствовала просветительству. Не везде, но достаточно влиятельно. Например, халиф **Мамун**, победив Византию, потребовал, чтобы контрибуция была выплачена книгами философов, а не драгоценностями и деньгами, как обычно. Это беспрецедентный факт. И во все концы мира поехали посланники, чтобы добыть такие книги.

Уже к 832 году халиф Мамун создал в Багдаде Дом мудрости, в котором было собрано 400 тыс. рукописных книг на арабском, греческом, сирийском, персидском, китайском и др. языках. Библиотеки стали неотъемлемой принадлежностью арабо-исламских городов. Багдад превратился в «республику познаний и умений». В этой атмосфере в интеллектуальную жизнь арабов вошла и философия, которая вобрала в себя идеи знания, просвещения, стремления к истине.

Н. В. Гоголь, тысячу лет спустя, называл **Мамуна** «великодушным покровителем наук, имя которого история внесла в число благодетелей человеческого рода и который замыслил государство политическое превратить в государство муз» (, 61).

Как зависит развитие страны и мира в целом от личности руководителя» Ирак, который был одним из самых первых очагов цивилизации, который при **Мамуне**, спас античную культуру, на рубеже XXI века стал зоной самой большой напряженности.

Мы уже отмечали, что **Аль Фараби** не просто переводил Аристотеля и Платона, а вступал с ними в диалог. **Мутализиты**, пропагандировавшие свои идеи в VII—VIII веках, признавали свободу воли человека, высшим критерием нравственности объявляли разум и пытались соединить античную диалектику с принципами исламского мировоззрения.

Просвещение — это распространение света знаний. Этот процесс не может быть однонаправленным, как не может быть звездное небо с одной сияющей звездой. Так и арабо-исламская философия в период своего расцвета была открыта всем влияниям.

Об этом писал Аль Кинди: «Нужно, чтобы мы не стыдились принимать Истину, откуда бы она ни пришла". Наряду с античным влиянием она испытала персидское, индийское, сирийское, еврейское воздействия.

В то же время идеи восточной фалсафы распространялись по всему миру. Они стали импульсом становления философии Возрождения, которое восприняло "перешедшее от арабов жизнерадостное свободомыслие" (, 346). Здесь важно подчеркнуть две характерные черты фалсафы: оптимистическое мировоззрение и свободомыслие.

Не случайно Ф. Бэкон в своей ранней утопии "Новая Антлантида" (XVIIв.) остров счастливых людей назвал на арабский манер «Бенсалем», а их короля — Аль Табин.

На европейскую культуру оказало немалое влияние сочинение **Ибн Туфейля**. Первый перевод его книги «Роман о Хайе», в XII веке — на латинский, английский, немецкий языки. Считают, что этот философский роман оказал влияние на Д. Дефо, автора романа «Робинзон Крузо». К XIX веку книга **Ибн Туфейля** была переведена на все языки мира.

Почему же такая популярность, ведь книга севильского мудреца, получившего прозвище «разочарованный философ», приводила к выводу, в какой-то мере противоположному фалсафе с ее жизнерадостностью? **Ибн Туфейль** высказал предположение о том, что интеллектуальное счастье надо искать в одиночку. Отсюда идея «робинзонады». Не о целостном счастье размышлял философ, а только об интеллектуальном. Возможно, он был прав.

Философия мусульманского направления в основном была ориентирована на общечеловеческое счастье, причем в земной жизни. **Ибн Баджа** верил, что в Совершенном граде все сограждане будут счастливы, и поможет им обрести это счастье философ, ставший главой страны.

Философы Востока искали счастье не в вечной жизни, а в бессмертии человеческого разума. **Ибн Рушд** отрицал бессмертную душу и считал вечным лишь интеллект человека.

Изучая жизнь и творчество мыслителей Востока, приходишь к выводу, что судьба будто следила за тем, чтобы философская мысль не прерывалась. Уходил из жизни Аль Кинди и ему на смену рождался **Фараби**. В год смерти **Беруни** появился на свет **О. Хайям**. Но когда и где бы они ни жили, от Мавероуннахра до Испании, они, как эстафетную палочку, передавали друг другу идею человеческого счастья.

Философия просвещенного Ислама — совокупное интеллектуальное пространство, в которое входят воззрения арабо-исламских мыслителей от **Аль Кинди до Ибн Рушда**. В этом пространстве — множество пластов. Остановимся на части этого безмерного интегрального интеллекта.

2. СУФИЗМ И ЕГО ДУХОВНОСТЬ.

Слово «суфизм» происходит от арабского «суфи», что значит «носящий шерстяную одежду». Суф — шерсть, грубая ткань, которая стала символом аскетизма. Аскетизм - воздержание, проповедь сурового образа жизни.

Есть и другое толкование этого термина. Его предложил Беруни, считавший, что слово "суфизм" происходит от греческого "софос" - мудрый. Такая интерпритация тоже хорошо передает суть этого учения.

Суфизм - мистическое течение в исламе, зародившееся в VIII веке на территории современного Ирака и Сирии. Он распространился на восток до северного Китая и Индонезии, а на запад через северную Африку до Испании.

Почему за короткий срок мистическое учение покорило полмира? Дело в том, что мистика «в условиях средневековья была прогрессивным фактором в культурной жизни эпохи» (, 366).

В чем же притягательная сила мистики?

Дело в том, что она рассматривалась как божественная логика и давала возможность приобщиться к Истине через откровение.

Почему же возникла потребность в мистике и суфизме?

Народ и официальное духовенство стали придерживаться разных воззрений на духовность.

Тогда-то и появились бродячие проповедники, которые стали обучать мусульман, как очистить свои души от мирской скверны. Они призывали к аскетизму.

Главной в их учении была идея бескорыстной любви к Богу, Аллаху. Суфии полагали, что душа человека — это часть души Аллаха». Они говорили о себе: «суфи — это человек, который предпочел Бога всему». Они сформулировали новый путь к Богу: через личную любовь, минуя духовенство и мечеть. Первой эту идею в VIII веке высказала **Рабия.**

Естественно, что движение суфиев встретило сопротивление со стороны официальных служителей ислама. Для многих суфиев жизнь закончилась трагически. Поэтому свои мысли они выражали иносказательно, используя символы. В противном случае они платили страшными муками за прямые высказывания. Вот несколько примеров. За то, что **Халладж** сказал: «Я есть истина», его распяли, затем обезглавили и повесили перед зданием, где он читал лекции. Но и это не все. В конце его предали огню. За что же такая кара? За то, что он внес идею обожествления человека, в чем выразился гуманизм суфизма.

Азакира, который рассматривал истинное через противоположное, обезглавили и сожгли. Харакани подбросили к дверям голову его сына, а потом повесили и его самого.

Идеологический прессинг заставлял суфиев маскироваться, как бы одевать защитную шерстяную одежду. Суфи **Шибли (IX в)** ска-

зал: «Между мной и Халладжем нет разницы. Однако меня сочли за сумасшедшего и я спасен. Халладжа погубила его незамаскированность». Девизом суфиев стало изречение «умные среди сумасшедших». Многие свои рукописи они утопили в реках, закапывали в землю. Оставались лишь зашифрованные стихи. В их заповедях читаем:» Все, что читал, забудь. Все, что писал, уничтожь».

Основные философские идеи суфиев были сформулированы к IX веку. Это был египтянин **Зунун аль Мисри** и багдалец **Мухасиби.** А в XII веке в учении испанца **Ибн Араби** они были систематизированы.

В X—XI веках стали складываться суфийские ордена, в которых молодежь приобщали к мудрости. Создавались монастыри. К XIV веку насчитывалось уже более 30-ти орденов.

В XI веке в результате реформаторской деятельности **Газали** суфизм был призван, но преследования все еще продолжались. Спор о допустимости суфизма не утих и в XX столетии. На протяжении двенадцати веков суфизм использовали разные идеологии. Суфиев старались использовать как в народных восстаниях, так и в религиозных столкновениях под знаменем джихада.

В XIX веке суфиями были мюриды Шамиля, в XX веке шах Ирана Реза боролся с суфиями. В 1920-х годах в Турции в связи с буржуазной революцией, а в СССР в связи с социалистической революцией были запрещены все суфийские ордена.

Великий **Ибн Сино** очень интересовался учением суфиев. Будучи естествоиспытателем, он снял границу между Богом и природой, а суфии разрушили барьер между Богом и человеком, объявив человека величайшей ценностью.

Ибн Сино рассматривал суфизм с естественно-научных позиций. В книге «Указания и наставления», которую он писал незадолго до смерти, **Ибн Сино** стремился научно объяснить «чудеса» суфиев: их способность лечить прикосновением, ясновидение, левитацию, лозоискательство.

Ибн Сино был высокого мнения о нравственности суфиев, ведь бескорыстие — главное направление их деятельности. Он писал: «Одержимость и духовная чистота обостряют сосредоточенность суфи и дают ему возможность стать зеркалом, установленным напротив Истины».

Время расставило все по своим местам. Сейчас мы обращаемся к философии суфизма, стараясь обрести корни нашей духовности. Не случайно так часто на пороге XXI века звучат имена великих суфиев в ряду мыслителей Востока, которые приобрели мировую известность. «С учетом именно этой философии, вобравшей в себя мудрость таких наших великих предков, как Ходжа Ахмад Яссави, Бохоутдин Накшбанди, Имам аль Бухари, Алишер Навои, Бобур, Амир Темур, Улугбек, Имам ат Термизи, с учетом мирового передового опыта необходимо строить нашу государственность» ( ).

3. ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ СУФИЗМА

Рассмотрим одну из центральных проблем — **БЫТИЕ**. Она наиболее ярко представлена в концепции **Ибн Араби**, одного из наиболее фундаментальных теоретиков. Одни считали его святым, и называли «Величайшим шейхом» другие — врагом ислама.

Ибн Араби и его последователи «**вуджудисты**» разрабатывали учение абсолютного монизма. Слово «вуджуд» переводится как бытие. Они признавали абсолютное единство всего сущего. «Все есть бытие».

Эта идея абсолютного монизма, единства всего, отразилась в стихах известного поэта XIII века **Дж. Руми**. Они настолько ясно передают суть вуджудизма, что именно к ним обращался в свое время Гегель:

Ввысь устремил я взор и в каждой сфере лишь единое увидел.
Вниз посмотрел и в пене волн морских лишь единое увидел.
Воздух, огонь, земля и вода — все в единое слилось. (, 360).

Что же лежит в основе единого мира?

Суфии-вуджудисты полагали, что в основе мира лежит бытие. Причем единство они понимали как единственность. Именно эта идея казалась их оппонентам крамольной. Почему? Потому что в ней они видели скрытую мысль о пантеизме, т.е. отождествлении Бога и мира.

Ибн Араби действительно понимал мир как Бога. Он различал три формы бытия:

- абсолютное бытие — Богу,
- ограниченное бытие, т.е. все то, что превращается в небытие;
- универсальная реальность, объединяющая их.

Суфии различали также два рода бытия вещей:

1) мыслимое (интеллигибельное или ноуменальное),
2) чувственное (феноменальное).

Каждая вещь феноменального мира имеет своего двойника в мире ноуменальном.

Остановимся на КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ, которую разрабатывала философия суфизма.

В ней много диалектических моментов, поскольку развитие соприкасается с наличием противоположного. В суфизме великий круг бытия выглядит следующим образом: от верхнего полюса Единого идет нисходящая дуга, которая проходит через Перворазум, мировую душу до земли, воду, воздуха и огня, которые располагаются на противоположном полюсе.

С. Ширази (XVII в.) за 200 лет до Ч. Дарвина высказал идею эволюционного развития: «На земле сначала образовались минералы, затем растения, затем человек. При этом кульминация каждого является началом последующего. Обезьяна — кульминация растений и начало людей».

Идея связи (детерминации) является в философии суфизма исходной. «Через Единое мир связан». **Шабастри** в XVI веке писал: «В каждом атоме имеются сотни сияющих звезд, в каждой капле воды — сотни чистых океанов», высказывая этим идею бесконечности мира, его неисчерпаемости.

Каждая вещь проявляется через свою противоположность, — говорили суфии. Противоположность ближе к вещи, чем сходное. Например, белое лучше постигается через черное, значит белое — истинное, а черное иллюзия, необходимая, чтобы увидеть белое. Душа — истинное, тело — иллюзия, чтобы увидеть душу. Бог — это скрытое сокровище. Чтобы обнаружить свое существование, Он создает мир. Бог — добро, а то, что Он создал — зло. Бытие Бога — истинное, а мир (зло) — иллюзия, необходимая, чтобы обнаружить Истину.

Ибн Араби, исходя из признания противоположностей, пришел даже к выводу, что Иблис (сатана) не может рассматриваться как враг Аллаха, а только как то, что помогает познать Истину Аллаха.

А. Газали (XII в.) и **Ибн Араби** писали, что вещь проходит через становление и исчезновение, которые разделены цепью мгновений. А дух суфия стремится сбросить цепи множественности, присущей материи.

Суфии говорили о необходимости постоянного обновления, в том числе и религиозно-этических норм. При этом они ссылались на **Пророка**, сказавшего: «В начале каждого столетия Аллах посылает общине того, кто обновит ее религию».

В концепции развития суфизма четко прослеживается принцип детерминизма. Известно, что они делили мир на ноуменальный и феноменальный.» Аллах дает вещи только то, что принадлежит ей в ноуменальном мире, бытии». А феноменальный мир связан многими нитями с миром ноуменальным, мыслимым.

В чем смысл суфийского детерминизма?

Он исключал возможность свободы для Бога, т.е. теистический волюнтаризм.

В каждой философской системе одно из центральных мест принадлежит проблемам **ГНОСЕОЛОГИИ**. В чем суть теории познания суфизма?

Прежде всего — это утверждение о возможности познания для каждого. «Вы (люди) лучше знаете дела посюсторонней жизни», — писал **Ибн Араби** (, 83). Вместе с тем, тайное, эзотерическое знание открывается не всем, а лишь святым. Суфийская гносеология выделяет три ступени познания:

— уверенность, основанная на предании или логике,
— уверенность, основанная на личном опыте,
— уверенность, основанная на соединении объекта с субъектом.

А. Яссави писал о трех видах постижения истины:
тарикат — путь к истине,
хакикат — достижение истины,
шарифат — знание.

Согласно суфизму, знание может быть человеческим и божественным. Когда суфий познает внешний мир, он приобретает знание экзотерическое. А когда он проникает в сущность, то ему открывается эзотерическое знание, равное божественному.

Такого человека суфии называли «вали». Он расценивался выше пророка и апостола (рисоля). Почему? Потому что человек не сам достигает истину, а она ему открывается через архангела. Поэтому вали как бы избранник. И его статус в обществе очень высок. Суфии претендовали именно на статус вали. Что же получалось? Оказывалось, что пророк **Мухаммед** уступает обычному суфию. Это естественно вызывало несогласие со стороны правоверных мусульман.

Суфии полагали, раз им открывается эзотерическая истина (скрытая), они могут по-новому истолковывать законы, данные авторитетами. Это было большим продвижением вперед. Ведь в Европе понятие «открытый интеллект», «открытое общество» (свободное от авторитетов) появится только в середине XX века.

Суфии утверждали, что проникновение в скрытую истину даже для них возможно только в определенном состоянии экстаза. И эта идея об «измененном состоянии сознания» появится в Европе в конце XX столетия.

Суфии называли таких людей «людьми экстаза».

Интересно, что процесс постижения истины понимался как полный противоречий, как переход от заблуждения к истине. Суфии писали: «Если хоким (ученый) ошибается, то все равно он будет вознагражден вдвойне». В том смысле, что ошибка, как мы сейчас говорим, отрицательный результат, — это тоже результат. Своего рода признание, что «не пропадет ваш скорбный труд».

Особенность суфийского мировидения связана с их экстрасенсорной способностью, которая, видимо, стимулировалась аскетическим образом жизни. Они называли ее «химма». Но и здесь суфии не были односторонними ортодоксами. Они считали, что «чем больше у апостола знаний, тем меньше он пользуется химмой».

Для обозначения своих способностей к предназначению или, как мы говорим сегодня, к прямому знанию, они использовали понятие «новое око» или «око сердца».

Суфии делили людей по их познавательным способностям на три категории:
риториков, т.е. способных к рассуждению;
диалектиков — способных к умозаключению;
аподейтиков — постигающих Истину.

Способность приобщиться к знанию считалась в суфизме огромной ценностью. **Ибн Габирол** (XI в.) испанский суфий, признавался: «Я стремлюсь к мудрости для того, чтобы не пребывать в дураках. Первый шаг к мудрости — молчание, второй — слушание, третий — запоминание, четвертый — деяние, пятый — преподавание мудрости».

Как суфии представляли себе мудрого человека?

1) он не мнит себя способнее других к познанию,
2) он не завидует,
3) он не ждет вознаграждений за мудрость.

У **Ибн Габирола** есть интересная классификация людей по их отношению к знанию:

1) человек знает что-то и знает о своем знании. Это мудрец. (Вспомните, что Сократ утверждал: «Я знаю, что ничего не знаю»).
2) Человек знает, но не догадывается об этом. Ему надо помочь.
3) Человек не знает, и знает о своем незнании. Его надо учить.
4) Человек не знает, но уверен в обратном. Это глупцы.

Перейдем к пониманию СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА в суфизме.

Еще в X веке **Таухиди** констатировал, что «человек стал проблемой для человека». В учении суфиев центральное место занимает идея «совершенного человека». Этот термин был впервые введен **Ибн Араби**. Он говорил: «В человеке содержится все потенциально сущее». Совершенный человек мыслился поэтому как Космос и поэтому считался прекрасным. Причем суфии приходили к выводу, что Космос достигает своего совершенства именно в человеке: «человек — самое совершенное бытие Универсума. И только в нем природа приходит к самопознанию».

Мы отмечали, что диалектический подход к пониманию бытия расценивал зло как необходимую противоположность добру. Поэтому избегать зло означало для суфия потерю возможности познания Истины во всем многообразии своего проявления. Отсюда — необычайная кротость суфиев, покорность, терпение, спокойное восприятие зла.

Как мы уже знаем, главное для суфия — единство мира. В этом единении — гимн человеку. Но единению препятствует гордое «Я» (гордыня), тело. Поэтому в суфизме появилось учение об уничтожении этого гордого «Я». А путь, который приводит к победе над ним, — сходен с нирваной будизма.

Суфизм видит в человеке единство божественного и земного. Будучи хранилищем земного, он имеет обычные свойства. Будучи хранилищем божественного, он стремится вернуться к истинному «Я». Это возможно через соединение с Богом. Такая позиция суфизма противоречила исламскому принципу абсолютной трансцендентности Бога (непознаваемости).

Каноническим установкам ислама не соответствовала также

суфийская концепция «совершенного человека», в которой эталоном нравственности, индикатором добра и зла является сам человек, способный самосовершенствоваться на пути самопознания. Как говорил **Аль Фарид**: В самом себе безмерное найти».

В XII веке **Гиждувани** разрабатывал этику суфиев.

Чтобы лучше понять суфийскую интерпретацию человека, обратимся к тому, как они понимали соотношение свободы и неоходимости. Они полагали, что в мире все предопределено, поэтому объективно для свободы как возможности альтернативного выбора места нет. Свобода понималась как отсутствие внешнего принуждения. Она достигается в познании. Когда человеку открывается тайна предопределения, он понимает, что действует не по принуждению, а в соответствии со своей сущностью.

Причем у суфиев было очень интересное понимание развития свободного деяния. Степень свободы, полагали они, возрастает в мире по мере развития материи. Максимум несвободы — у неорганической материи, затем идут растения и животные. А у человека зависимость от внешних факторов (рабство) — минимальная.

Итак, согласно суфизму, высшая свобода — это независимость от всего, что не есть Бог. Другими словами, это полная зависимость от Него. У **Газали** находим такое изречение: «И не ты бросил, когда бросил. Аллах бросил».

Еще один важный поворот этой темы. Как соотносится с понятием «свобода» — понятие «вера»? Суфии выступали против использования религии (вероисповедания) для насилия над человеческой духовностью, над его внутренним миром. Они провозгласили равенство всех религий и верований. Даже идея дьявола получила у них философское оправдание. "Бог проявляется в разных формах подобно хамелеону, который меняет свой цвет в зависимости от места". Естественно, такие мысли расценивались сторонниками ортодоксального ислама, как крамола, тем более, что суфии обращались даже к Корану, чтобы обосновать свой религиозный универсализм и плюрализм.

Утверждая религиозный плюрализм, суфии делали вывод о праве каждого идти своим путем к Истине, праве каждого человека на свою индивидуальную веру. "Путей к Богу столько же, сколько душ человеческих, поэтому каждый вправе своим путем идти к Истине».

Идеалы веротерпимости и универсализма выражали гуманизм суфийской философии. Именно ее гуманистическая направленность во многом объясняет популярность и распространенность суфизма в странах классического ислама.

Во многом этому распространению способствовали еще два значительных фактора: великие личности лидеров суфизма и связь с искусством.

Остановимся на первом

4. ВЕЛИКИЕ СУФИИ

Философы заметили важную закономерность духовной жизни человечества: все пророки, основоположники великих религий-выходцы из стран Востока.

В 1103 году в Чимкенте родился **Ахмад Яссави**, в честь которого 800 лет спустя ЮНЕСКО объявит 1993 год — «Годом Яссави». Древнегреческие мудрецы говорили: «Имя — это судьба». У Яссави было одиннадцать имен. В исламе имя — это не простая формальность, а глубокая духовная символика: оно дано человеку свыше для размышления о своем предназначении. Яссави называли: Ходжа (учитель), Кабир (великий), Ибрагим (наставник), Мискин (скромный), Хозрат Султан (султан всех святых).

В исламе есть основополагающая идея: «дух природы находит такую человеческую душу, которая наиболее предрасположена к добру и может бескорыстно служить Аллаху и людям». А это далеко не всякому под силу. Чтобы приобрести святость, человеку многое приходится преодолеть и прежде всего себя. У **А. Яссави** была сильная воля. Он прошел длинный и трудный путь, прежде чем стал признанным авторитетом среди суфиев. Он был мюридом, дервишем (странствующим нищим), ишаном (т.е. имеющим право на обучение, поскольку обладал даром химмы).

А. Яссави жил в Бухаре, которая в то время считалась Восточным Римом. Он зарабатывал на жизнь собственным трудом. Как суфий, он следовал главной заповеди, которая требовала отрешиться от бренного мира и посвятить себя Аллаху. Еще пророк **Мухаммед** учил: «Моя бедность — моя гордость».

А. Яссави был философом и поэтом. Он тонко подмечал все особенности современной ему жизни, был аналитиком — реалистом, болезненно переживал упадок своей страны в результате войн

Он писал:

"Прежней щедрости в народе нашем нет,
Правды шахов и визирей стерся след,
Отвергает Бог дервишеский обет,
Для народа - время страшных бед, о, люди".

А. Яссави волновали и жизнь человечества, и характер власти, и судьба народа. В своих стихах, трактате "Рисоля" он писал: "когда приблизятся последние времена, встанут такие шейхи, что сам дьявол станет учиться у них. Народ будет привязан к ним хитростью. А до учения шариата не будет им дела".

Историки отмечают, что после Корана произведения **А. Яссави** были наиболее популярными, жители распевали их под музыку. История не знает аналогичного интереса к философским проблемам.

А. Яссави призывал людей к терпимости по отношению к любой религии: «если будет перед тобой неверный, не делай ему обиды: от души обидчика отвращается Аллах. Такому уготована преисподняя».

Будто из тьмы веков говорит с нами живой **Яссави**. С нами, пережившими кровавые столкновения религиозного фундаментализма в Северной Ирландии, Пакистане, Фергане. Человечество за 800 лет будто не поумнело, не стало мудрее и добрее. Вот почему так важно обращаться к делам и идеям таких мыслителей, как **Ахмад Яссави**.

В 1318 году близ Бухары родился другой великий суфий — **Бахаутдин Накшбанди**. Его имя означает «украшение религии». Он много сделал для верного истолкования ценностей ислама.

Б. Накшбанди рано приобщился к суфийской мудрости — с 11 лет. Его особенно сильно интересовал гносеологический аспект: как из незнания образуется знание. Он стремился овладеть искусством проникновения в сознание ученика.

Б. Накшбанди много читал, это были книги по математике, астрономии, медицине, истории и философии. Самое сильное впечатление на него произвели идеи **Ибн Араби**, создавшего энциклопедию суфизма.

Б. Накшбанди стал искать свой путь познания Аллаха. Он учил, что возможность приблизиться к Истине — это величайшее благо для человека. Этот путь лежит через познание Священного писания. Он рассматривал Коран как источник всех знаний. Он говорил: «Человек, который хочет познать мир без Корана, похож на сидящего у моря и пьющего морскую воду. Он никогда не сможет выпить это необъятное количество воды».

Б. Накшбанди искал оптимальный путь приобщения к знанию. Он понимал, что нужна особая стимулирующая атмосфера, возбуждающая деятельность ума и сердца.

Б. Накшбанди не разделял материальное и идеальное, а рассматривал мысль как материальное. Поэтому он придавал такое большое значение молитве: стоит человеку создать в воображении какой-то образ, как он тут же материализуется. Слово же усиливает этот процесс.

Б. Накшбанди расценивал святость человека как условие приобщения к Истине. В то же время полагал, что стремление уклониться от обнаружения истины является большим грехом. Гносеологические проблемы тесно переплетались с нравственными.

Одновременно с постижением суфийской мудрости **Б. Накшбанди** занимался трудом: ткал шелковые ткани и был резчиком по металлу. Отсюда и его прозвище «накшбанди», что означало «резчик по металлу». Он не пошел по традиционному пути суфиев-дервишей, которые жили подаянием. Их численность к XIV веку составила несколько десятков тысяч, и это осложняло нормальную жизнь города. **Б. Накшбанди** это понял и стал реформатором суфизма. Он создал орден «накшбандиев», выступая против аскетизма, против отказа от мирских дел, призывая к труду и знанию. Он писал: «Сердце отдай Аллаху, а руки — делу».

Заслуга **Б. Накшбанди** состояла в том, что он призывал вернуться к чистоте ислама, раздробленного многочисленными сектами. Этот призыв нашел отклик у народа. К нему присоединились жители Кавказе, народы Поволжья, Сибири. Авторитет его был столь высок, что с его мнением считались правители, в том числе и Амир Темур. И как же было не прислушиваться к его словам, если в них было столько мудрости: «Стоит посеять семя добра, и оно возрастет семью колосками, которые дадут еще 700 всходов добрых дел».

Слушателей, народ и правителей, завораживали широта знаний, природное красноречие и пылкий темперамент.

В двенадцати километрах от Бухары находится мечеть шейха **Б. Накшбанди**. Паломничество в эти святые места в течение трех раз приравнивалось к хаджу в Мекку. И сейчас идут туда пешком тысячи паломников.

Нажмитдин Кубро (1145—1221) описывался в воспоминаниях **Газургани** (XVI в.) как один из столпов суфизма.

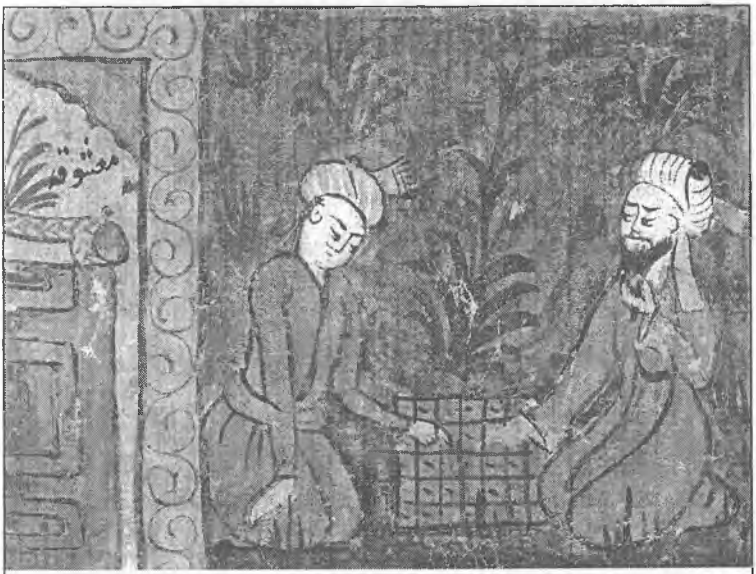
И хотя этикет требовал представлять его как благочестивого подвижника, перед нами яркая многообразная личность. Будучи основателем суфийского ордена кубровия в Хорезме, **Н. Кубро** призывал к крайнему аскетизму. Но создавая образ великого суфия, поэт упоминает о его человеческих пристрастиях. В частности о том, что он великолепно играл в шахматы и обожал их. **Н. Кубро** признавался: «Любовь к Аллаху и шахматам борются в моей душе и ни одна не может одержать верх» (, 245).

Н. Кубро, проповедовавший отречение от земной суеты, погиб в бою, сражаясь против монгольских полчищ, подступивших к Хорезму. Как ни старался поэт скрыть подлинное лицо **Н. Кубро** под этикетной маской, его яркая индивидуальность прорвалась сквозь каноны.

Это же противоречие можно увидеть и в миниатюре *(см. стр. 91)*. В миниатюре, написанной в XVII веке, художник своеобразно передал раздвоенность чувств **Н. Кубро**: он изображен в момент игры в шахматы, но смотрит в сторону михраба с молитвенным ковриком.

Н. Кубро привлекала идея справедливости. Искатели ее должны пройти определенный круг испытаний. Тогда они приобретают необходимые качества. Что же должен делать человек?

1) Овладеть качеством, которое называется **«тавба»**. Что это за качество? Оно результат его самостоятельной воли, выбора, без подсказки со стороны отречься от своего «Я» и любить Аллаха.
2) Умение выработать в себе потребность к благотворительности, удерживать себя от наслаждений (**зухд фи дунё**).
3) Не придавать особого значения мелочам жизни, верить в Аллаха всем чистым сердцем (**таваккал**).



Шейх Наджим-ад-дин Кубро, играющий в шахматы.

4) Уметь довольствоваться малым.
5) **Узлат** (одиночество) — одно из самых сложных испытаний для человека как общественного существа.
6) Поминать Аллаха непрерывно (**мулозамат аз зикр**), чтобы предохранить себя от зависти, двуличности, жадности и подлости.
7) **Таважжух** — все внимание и любовь — только к Аллаху.
8) **Сабр** — терпение в преодолении трудностей.
9) **Мурокаба** — способность очистить свое сердце и быть способным к самосозерцанию.
10) **Ризо** — все сделать, чтобы достичь согласия с Аллахом.

5. СУФИЗМ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Мы уже говорили о том, что пропаганда суфизма была очень эффективной, потому что использовала художественную литературу и миниатюру. Первоначально на Востоке миниатюра использовалась только в рукописях светского содержания. И только суфии стали обращаться к ней для украшения книг религиозного содержания. Это особенно важно, что суфизм связывался с аскетизмом. **Гиждувани** в свое время призывал человека даже не украшать своей наружности, поскольку это свидетельствовало о его духовной бедности, которую он стремится компенсировать.

Главная идея суфизма — мир — это мираж, а реально существует только Аллах. Материальный мир — всего лишь оболочка, скрывающая своего Творца. В человеке достойным внимания считалась его божественная душа, а тело не заслуживало внимания. Чем скорее человек освободится от своего материального бытия, тем скорее достигнет Истину (Бога) и свое духовное совершенство.

Поэт **Дж. Руми** (XIII в.) отразил идеалы суфизма, согласно которому любое переживание — это порок, а смерть — избавление от земных заблуждений. Однако, даже будучи основателем суфийского ордена мавляви, он сам далеко не всегда «зашивал свои глаза», т.е. не радовался смерти.

По смерти нам сулят награду вышним раем,
Там чистое вино, там гурий нежный взгляд,
Но мы и здесь к вину и к милой прибегаем,
Коль и в раю нельзя достичь иных наград!

В поэме **А. Дехлави** «Восемь садов рая» есть текст и интертекст. Например, эпизод, в котором описывается охотник, преследовавший газель и ослепший, поскольку не видя ямы, упал в нее. Какой суфийский смысл текста, вернее, где связь текста поэмы с идеей суфизма. А вот где: увлечение земными радостями (охота за газелью) ведет к слепоте, утрате подлинной цели бытия, т.е. проникновения в божественные тайны. Охотник видит газель, но не замечает ямы, физическая ловкость затеняет духовное совершенство.

Особое значение имела миниатюра, особый вид изобразительного искусства, получивший право на существование в мусульманском Востоке в период VII—XIX веков.

В отличие от христианской и буддийской культур ислам запрещал культовое использование икон и скульптур. На раннем этапе, особенно под влиянием суфизма, утвердилась идея невидимости Бога и невозможности уподобить его какому-нибудь живому существу.

Почему же в таком случае именно сам суфизм и обратился к миниатюре? Дело в том, что здесь с особым почтением относились к книге. Ее происхождение считалось священным. Каллиграфическое мастерство рассматривалось как результат нравственного совершенства. «Красивое письмо — украшение человека», — говорил **Мешхеди**. Ценность рукописи определялась впоследствии не только каллиграфией, но и наличием миниатюр, небольших рисунков, изящных по графике и цвету. Они как бы продолжали каллиграфию.

В миниатюре жизнь изображалась не такой, какой она была на самом деле. Мир представал преображенным по законам гармонии. Изображалось вечное, идеальное. В миниатюре нет человеческих чувств. Она — символична. Миниатюра читается снизу-вверх, справо-налево, как в арабской письменности. Правая сторона имеет для мусульманина сакральное значение.

Содержание миниатюры постигается не чувствами, а разумом, поэтому главная ее особенность условность. Например, сочетание цветущего урюка или персика с вечнозеленым кипарисом и тополем в осеннем уборе заставляло задуматься о бренности мира. Чаша, прикрытая блюдцем, — символ благочестии. Сиреневый цвет — знак печали.

Художник символами передавал абстрактные идеи. Например, кипарис рядом с беседующими — это символ религиозного содержания беседы. Розовый куст и соловей — знак любовного диалога.

Такая философская категория как время в миниатюре тоже было условным. Золотое небо-символ дня, а синее — ночи.

Послушайте, как писал о морозе **Йязди**:

«Если брызгали в воздух вином или водой,
то вниз падали только рубины и жемчуг».

Детали в миниатюре были реалистичные, а целое — условно, вот почему европейские исследователи писали о «загадочной персидской миниатюре».

Интересно, что художник-миниатюрист иногда спорил с поэтом, иллюстрируя его произведения. Например, **А. Дехлави**, размышляя о философии жизни и смерти, выражал традиционные для суфизма представления о том, что жизнь — это

Художник понимает жизнь как наслаждение материальными радостями, а смерть — как утрату их. На миниатюре *(см. стр. 94)* две части: верхняя и нижняя. Миниатюра читается снизу-вверх. Внизу изображен праздничный пир, а вверху — сцена казни. Художник как бы делает вывод: жизнь — это радость, а смерть — физическая гибель человека.

С распространением суфизма стали появляться новые сюжеты в литературе и миниатюре. Часто стали встречаться изображения шаха, беседующего с духовным наставником, дервишем. Дервиш стал обязательной фигурой, даже по масштабу его изображали равным государю. Появляются такие темы, как суфийская проповедь, посещение отшельника в горах, сцены мистических радений, темы вина и любви как иносказания о путях познания Аллаха (вспомним О. Хайяма).

В XVI веке суфизм распространился и в демократической среде. В миниатюрах появляются изображения ремесленников, окруживших шаха. Так воплощалась философская идея суфизма о равенстве людей в Боге, перед Богом.

В начале XVII века стали появляться сюжеты, которые иллюстрировали жизнь суфиев, чего прежде не было. Получили распространение беседы с суфием, отображенные в миниатюре *(см. рис. на стр. 95)*.

Суфийское мировидение было столь глубоким и гуманистическим, что оно влияло на искусство. И в то же время суфизм обращался к художественному моделированию мира, чтобы донести свои идеи до сознания масс.

ت دو سال تماشای آن نگارستان بی نشاه حیرتی نبود و حضو
ن انجمن جز ساغر اسرار نمی پیمود در سنه ۱۱۰۰ یکهزار و یکصد هجری بمقتضا
لشری عارضه بر قوای بیدست و پا زور آورد و هفت ماه چون
ماک هم بسترم کرد خندی تلواسه تب چون کباب بر آتشم میکرد
رتی که از جوهر استقامت چون عرق بآب میراند آخر کار عبا

Лекция VIII.

Тема: «МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ»

П Л А Н:

I. Наука и самосознание науки

1) Место науки в культуре.

2) Особенности современного научного знания.

3) Зачем нужен методолог?

4) Принципы методологии.

II. Диалектика научного поиска.

1) Проблема как гносеологическая форма научного поиска.

2) Гипотеза — предположительное знание. Классификация гипотез.

3) Теория. Соотношение теории и проблемы, теории и гипотезы.

4) Прогноз. Логические и гносеологические основы прогноза. Виды прогнозов. Прогноз и заблуждение.

I НАУКА И САМОСОЗНАНИЕ НАУКИ

1) Место науки в культуре

200 лет назад в Эпоху Просвещения люди выражали свое опасение недостаточностью разумных действий. Они говорили: «Сон разума рождает чудовищ». Сегодня говорят по-другому: «Кто умножает знание, тот умножает зло». Опасным становится именно бодрствующий разум. Место науки в культуре противоречиво по своему характеру. Это знали еще в античности, хотя наука сформировалась значительно позже. Боги наказали Прометея за то, что он открыл людям тайны и научил ремеслам. «Ящик Пандоры», когда его открывают, чтобы проникнуть в сокровенные тайны, несет людям гибель. Так еще в античности переплелись знание и зло. «Во многом знании много печали», — читаем в священных текстах.

XX век дал возможность людям вырваться в Космос. И самый большой шок от полета на Луну состоял в том, что он ничего не изменил. Мы не освободились от наших проблем, а только увидели их в более ясной перспективе. Сложилась парадоксальная ситуа-

ция: научный бум усугубил падение авторитета науки. Люди, теряющие работу в результате научно-технического прогресса, недоумевали: «Если мы могли послать троих человек на Луну за 500 тыс. миль, безопасно и по расписанию, то почему же мы не может послать 500 тыс. человек ежедневно на работу и тоже безопасно и вовремя?» Наука несет с собой социальные проблемы.

Наука переживает кризис самопознания. Американский науковед Ч. Стоунз пишет: «Самосознание науки сменилось с однозначного оптимизма на трудную неопределенность. Эта неопределенность порождена тем, что сегодня острее перед наукой встал вопрос о глобальных вопросах, ответы на которые ученые не видят. Сами ученые хотят понять сложные внутренние методологические проблемы и противоречиво двусмысленный статус науки — она беззащитна и потенциально страшна».

Один из внешних признаков беззащитности науки — низкая оплата интеллектуального труда в странах СНГ (профессор получает в три раза меньше младшего офицера службы МВД, то есть милиционера). И как следствие — «утечка мозгов». В 1993 году из научно-исследовательских учреждений Российской академии наук уехало за рубеж на постоянное место жительства и работы 25% ее кадров.

Другой параметр 2 августа 1939 года считают датой, с момента которой драматически обострились отношения между наукой и властью. В этот день А. Эйнштейн сообщил Д. Рузвельту о том, что Сциллард и Ферми нашли возможность создания атомной бомбы. Встал вопрос: кто такой ученый? Пассивный объект в государственной машине или свободный субъект? Во времена Ф. Бэкона все было просто: ученые сами решали какие открытия «открывать» обществу, а какие — нет.

Современная наука вызывает к себе противоречивое отношение: надежду и страх. Она превращается в непосредственную производительную силу, без которой нельзя решить ни одной задачи. Наука и техника создали техногенную цивилизацию Порожденная культурой, наука сама оказывает на нее влияние и подчас уничтожает. Философы пишут о том, что цивилизация — это смерть культуры. Еще в античной мифологии был создан образ Хроноса (времени), пожирающего своих детей. С другой стороны, наука влияет на все сферы культуры, формируя обыденное сознание. И сейчас любое высказывание, чтобы быть авторитетным, принимает научную форму. Что будет дальше? На этот вопрос невозможно ответить, не зная, как устроена наука, по каким законам она развивается. Методология затем и появилась, чтобы ускорить развитие науки. Это развитие — величайшая ценность нашей цивилизации.

Поскольку наука и техника становятся силой, вступающей во враждебное отношение к человеку, а с другой стороны, нельзя решить без науки ни одного вопроса, возникла социальная проблема

овладения законами развития науки. Возникла потребность в науковедении, то есть науке о самой науке. Об этой потребности писал еще Дж. Бернал в 1939 году в книге «Социальные функции науки».

Позитивисты предлагают рассматривать науку только как систему знаний, организованных формально-логически, на которую не влияет ни культура, ни социальная среда. Они решительно изгоняют из нее все, что связано с проблемой оценок, человека. Но ведь наука изучает объект не сам по себе, а как часть человеческой деятельности. Наука вплетена в культуру. Научное познание-это развивающаяся система. Эти три момента:

1) включенность в человеческую деятельность,
2) связь с культурой,
3) системность

являются тремя основами методологии.

2) Особенности современного научного знания

Наука открывает новое знание. А что такое знание? Знание — это отражение объективной реальности. Гёте писал:

> Человек дорос, чтоб знать ответ
> на все загадки — Что значит знать? —
> Вот, друг мой, в чем вопрос.

Под истиной понимается совпадения описания предметов реальности. Научность — это тоже соответствие теоретических описаний, но уже не объекту, а стандартам научной рациональности, то есть тем познавательным нормам, которые сегодня приняты наукой. Таким образом, научность ориентирована не прямо на сами истины, а на идеалы научной деятельности, которые могут привести к истине. То есть можно говорить о двух видах знаний — истинном и рациональном. М. Планк писал: Значение научной идеи часто коренится не в истинности. В отношении этих идей имеет смысл не вопрос: истинно или ложно?, а вопрос: ценно или неценно для науки».

Подтверждением плодотворности заблуждений является открытие Р. Декарта. Его вера в «животных духов» дала возможность развитию учения о рефлексах. «Гениальные уравнения Максвелла выведены неверно, но сами они верны». Подобные примеры приводят методологов к мысли, что без ошибок и сознательных искажений при построении теории не обойтись. М. Борн назвал это «мелким жульничеством».

Здесь возникает вопрос о самокоррекции. Самокоррекция — это закономерность науки, из которой следует извлечь методологические следствия. Когда мы пользуемся механизмом самокоррекции (то есть механизмом обнаружения ошибки), то ошибки уже не

столь страшны. Страшно другое: правильный результат оценить как заблуждение. Ведь «сама по себе наука-безупречна, а заблуждаются ученые».

Здесь мы подходим к очень важному моменту. Раз наука сама самокорректируется, то нужен ли ей внешний контроль или нет?. Далее. Каков методологический вывод можно сделать, анализируя заблуждения? Они полезны. «На ошибках, желательно чужих, учатся» Полезнее выяснить, почему произошла ошибка П. Капица: «Ничто так не поучительно, как заблуждения гениев». Например, К. Маркса и В. И. Ленина.

Мы обнаружили диалектику, парадоксальность заблуждения. Она проявляется в том, что можно говорить о полезности бесполезного знания. История науки свидетельствует о том, что однажды в Парижском университете спорили Фома Аквинский и Альбрехт Великий, которого студенты называли «универсальным доктором». Что было предметом спора? «Есть ли глаза у крота?». Их спор услышал садовник и предложил принести живого крота. Что же ответили философы? «Ни в коем случае! Мы спорим в принципе». От схоластов XIII века остались ценные методологические разработки, открытия в области гносеологии (Д. Скотт и У. Оккам, введя идею двух истинного знания и веры), обнаружили, что религиозная догматика, включенная в научный поиск иногда может играть позитивную роль. Еще один методологический парадокс.

Если в XIX веке К. Маркс называл науку «самой основательной формой богатства», это проявилось тогда лишь в форме возможности. Лишь в XX веке научное знание признано как интеллектуальная собственность человечества. Создана Всемирная организация интеллектуальной собственности — ВОИС.

С другой стороны, можно отметить снижение рейтинга научного знания. Одна из исторических легенд Востока гласит: когда начиналось сражение, то вождь выстраивал воинов так, чтобы в центре находились бараны и ученые. Не потому что ученых низводили до уровня баранов. А потому что духовная пища расценивалась столь же необходимой, как и естественная. В начале XIX века, в самый разгар блокады Франции, Наполеон поставил перед химиками задачу создать искусственные красители. Стратегический ум гениального полководца мог верно оценить знание, более действенное, чем любое смертоносное оружие.

Особенность современного научного знания связана с тем, что возникла необходимость понимания самого знания. Ученые уже могут разделить четыре уровня научного знания:

1) язык наблюдений,
2) язык эмпирических зависимостей,
3) язык частных моделей,
4) фундаментальная теория.

3) Зачем нужен методолог?

Чтобы уяснить особенность современного научного знания, следует выяснить роль методологии науки. В наше время смена фундаментальных теорий происходит стремительно. В этих условиях ученый должен уметь выйти за рамки общепринятых истин, уметь сомневаться в незыблемом и формировать новые методы как это сделали в середине нынешнего столетия Дж. Гордон и А. Осборн, создав методы брейнсторминка и синектики.

Итак, нужен принципиально новый подход, новый уровень методологической культуры, специальные знания о том, как строятся и перестраиваются научные теории. Получить такое знание — одна из важнейших задач методологии науки. Исходным моментом методологии является сам процесс научного познания.

Зачем же нужен методолог? А затем, что только он может дать способ осознания устройства науки и методов ее работы. Таким образом, методология и есть способ такого осознания. Все великие ученые были в какой-то степени методологами. Чтобы выйти из тупика, в который попадала их область знания, они вынуждены были обращаться к анализу самих способов работы. Внутри философии на стыке между ней и специальными науками формируется новая область знания — методология науки.

Картина мира сама нуждается в обосновании. Ученый всегда знает, как надо строить научное знание. Когда обнаружили, что провод с прямолинейным током приводит во вращение магнитную стрелку, тогда ученые не ограничились простой констатацией факта. Они стали искать ему объяснение. Почему? Потому что ученый должен найти закономерность, а это уже гносеологический подход.

На каждом этапе развития науки есть свои идеалы и нормы. Это самый консервативный слой науки НОРМЫ НАУКИ РЕАЛИЗУЮТСЯ В СПОСОБАХ ПОСТРОЕНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ. В этом и находится основное поле деятельности методолога. Он должен выявить цепь операций, необходимых для создания новой теории.

Методология исследует знание в его историческом развитии. Как работает конкретный ученый — это область психологии научного творчества. Исследователь К. Поппер английский философ XX в, обратил внимание на то, что универсум можно разделить на три мира: мир природы, мир нашего сознания и мир знания. Этот последний мир — это книги, журналы, библиотеки, где хранится объективное знание. Одну из своих работ он назвал «Эпистемология (теория познания) без познающего субъекта».

Методология изучает прежде всего третий мир, мир коллективного знания, развитие которого подчиняется своим законам, отличным от законов природы и законов творчества конкретного человека. Об этом писал Т. Кун, американский историк и философ

науки XX века. Исследуя научные революции, он рассматривал не личную активность ученого, а особенности научных мыслей в истории.

Итак, зачем нужен методолог? Методологи ищут в практике научной работы наиболее плодотворные способы организации знания, исходные принципы. Эти способы и принципы являются средством построения теории в любой науке.

4) Принципы методологии

1) Принцип простоты теоретического объяснения. Л. Витгенштейн, австрийский философ, логик и математик XX века, говорил: «Все, что может быть сказано, должно быть сказано ясно. А о чем невозможно говорить, о том следует молчать».

2) Концепция должна вписаться в общую картину мира данного времени.

3) Принцип сохранения.

4) Принцип симметрии.

5) Принцип преемственности знаний.

6) Принцип элементарности. Методология еще с давних пор выработала правило — не умножать сущности сверх необходимого. Еще в средневековой философии У. Оккам сформулировал этот принцип в понятии «бритва Оккама».

7) Принцип соответствия.

8) Принцип дополнительности.

9) Принцип свободы отбора проблем.

Как были обнаружены эти принципы?

Ученый иногда сталкивается с такой ситуацией, когда научная теория не в состоянии объяснить какой-то факт. Тогда возникает вопрос о самом познании. Ученому как бы необходимо подняться на второй этаж — этаж собственно методологической работы. А потом — на третий этаж — этаж философской методологии.

На это решаются немногие. Большинство наиболее плодотворных методологических принципов было создано физиками, потому что физика достигла такого уровня развития, который требовал для дальнейшего своего развития методологического осмысления пройденного. Такие великие методологи, как Н. Бор и А. Эйнштейн, занимались методологией не как хобби. Они решали проблемы своей собственной науки.

II. ДИАЛЕКТИКА НАУЧНОГО ПОИСКА

Она является исходным моментом методологии. Разнообразие форм научного познания помогает реализовать принципы методологии. К таким формам относят: обнаружение факта, постановку проблемы, инсайт (озарение), выдвижение гипотезы, разработку теории, ее апробацию, прогноз. Рассмотрим основные формы.

1) Проблема как гносеологическая форма организации научного поиска.

Понятие проблемы. Проблему можно представить как такую разновидность вопроса, ответ на который не содержится в накопленном знании и не может быть получен старыми методами. Проблема требует практических и теоретических действий причем это не простой информационный поиск. Познание всегда движется от известного к неизвестному. Это полностью относится к проблеме.

Постановка проблемы. Это выход за пределы изученного в ту сферу, которая должна быть изучена. В чем важность проблемы? Она фиксирует внимание на отсутствии знания. Проблемный вопрос — это выражение противоречия между знанием и незнанием. Проблема побуждает к познанию НОВОГО. Но такого нового, которое является новым для всех, а не только для меня. Проблема — это субъективная форма выражения необходимости научного познания.

Не всякий может поставить проблему. Способность к постановке проблем — это самая яркая характеристика активности творческого мышления. И здесь огромное значение имеет АНАЛОГИЯ как форма мышления.

Сформулировать какой-нибудь вопрос в науке не трудно. Но постановка проблемы — дело чрезвычайно сложное. Огромное значение здесь имеет воображение. На это обратил внимание Дж. Бернал, англ. физик и социолог науки XX века «гораздо труднее увидеть проблему, чем найти ее решение. Для первого требуется воображение, а для второго — только умение».

Проблему нельзя поставить без мобилизации и организации знания. Здесь появляется противоречие. Чтобы поставить проблему, надо мобилизовать знания. А чтобы знания мобилизовать, надо уже поставить проблему.

Чем дальше идет познание, тем все большее время ученый тратит на то, чтобы освоить те знания, которые получает его наука. «Через сто лет, — пишет американский экономист К. Юлдинг, — объем знаний будет настолько, большим, что все усилия будут употребляться исключительно на доставку знания от одного поколения к другому». Подсчитано, что для того, чтобы обеспечить переработку научной информации через сто лет, надо будет все население СНГ превратить в научных работников. Только по химии в одной Японии ежегодно выходит полторы тысячи журналов. Книжный фонд крупных библиотек Москвы и Вашингтона удваивается каждые 13 лет. И главное: больше половины этих книг ни один читатель никогда не брал в руки.

Каждый шаг в науке достигается все более дорогой ценой. Удвоение количества научных результатов сопровождается ВОСЬ-

МИКРАТНЫМ ростом объема научной информации, ШЕСТНАДЦИТИКРАТНЫМ увеличением численности людей, науки, ТРИДЦАТИДВУХКТРАНЫМ ростом ассигнований на исследования.

Создалась такая ситуация, что ученому легче создать новую теорию, чем убедиться, что она еще не открыта. В результате удельный вес повторных работ составляет 85%. Возможно, поэтому так велики ассигнования на науку.

В условиях такого сложного информационного состояния науки, даже при наличии компьютеризации, правильная постановка проблемы затруднена. Итак, что же такое проблема? Это форма мобилизации и организации ранее накопленного знания для получения нового знания. От выбора проблемы прямо зависит результат научного поиска. В истории отечественной науки были печальные периоды, когда действительно научные проблемы отметались (как это было с кибернетикой и генетикой), а внимание сосредоточивалось на мнимых проблемах) как в «теории» Лысенко, или «теории развитого социализма»).

Истинность проблемы.

Научная проблема показывает направление научного поиска. Но выполнить эту функцию она может только при одном условии, если она истинна. Мы уже отметили, что постановка проблемы — это исследовательское действие. Просто указать на неизвестное — это еще не постановка проблемы. В ходе постановки проблемы ученый использует логические операции: приемы сравнения, аналогии.

Поставить проблему — значит приблизиться к ее решению, — считал Р. Эшби. Необходимо соблюдать при постановке проблемы методологический принцип отбора: отбор проблем должен быть свободным.

Классификация проблемы.

Можно выделить четыре гносеологических принципа классификации проблем: объектный, функциональный, структурный, временной. Что значит объектный принцип? Это значит следует внимание сосредоточить на ХАРАКТЕРЕ НЕИЗВЕСТНОГО. Оно — есть объект исследования. При таком подходе проблемы могут быть конструктивными (то есть имеется противоречие между потребностями и средствами) и аналитическими.

Функциональный принцип подхода разделяет проблемы в зависимости от их роли в научном познании. И тогда они могут быть либо стратегическими, либо тактическими.

Структурный принцип дает ключ к пониманию проблем специальных и комплексных, то есть возникающих внутри или на стыке наук. Временной принцип выделяет приоритетные и другие проблемы.

Для облегчения понимания и запоминания можно предложить следующую логему:

Принцип классификации проблем	Критерий принципа	Классы проблемы
объектный	характер неизвестного	конструктивные аналитические
функциональный	роль в научном познании	стратегические тактические
структурный	место проблемы	специальные комплексные
временной	значение, актуальность	приоритетные второстепенные

2) Гипотеза как предположительное знание

Постановка центрального вопроса создает возможность для формулирования гипотезы. Она является первым возможным ответом на проблему. Гипотеза — это научное предположение. Почему возможно предположение? Потому что к раздумьям ученого побуждает неопределенность. На стадии проблемы и гипотезы истина еще не определена. И здесь проявляется еще одна парадоксальность научного поиска, его противоречивость. Ученый размышляет, но в то же время, как полагал П. Капица, «острое логическое познание, мышление мешает ученому, поскольку окончательная ясность может закрыть выход к новым проблемам». Неслучайно великий Л. Пастер сказал: «Несчастны люди, которым все ясно». Несчастны были Мефистофель, Демон Врубеля: мир не был для них загадкой.

Итак, гипотеза — это предположительное знание о том, что непосредственно не наблюдается. Отношение к гипотетическому знанию у разных философов, методологов разное. И. Кент не доверял гипотезе как методу познания: «Все, что имеет хотя бы малейшее сходство с гипотезой, есть запрещенный товар, который не может быть допущен в продажу и должен быть изъят тотчас, как его обнаружат».

Гипотеза однако выступает моментом культуры, формирует стиль мышления. Например, гипотеза об атомном строении вещества. Еще в 4 в. до н. э. она явилась Демокриту и до конца XIX века оставалась гипотезой. За это философа называли основоположником квантовой механики (квант — тот же атом, но не

вещества, а энергии). Значение гипотезы Демокрита столь велико, что «если бы вся накопленная человечеством информация погибла, — писал Л. Мандельштам, — то ее удалось бы восстановить, имея одну-единственную гипотезу Демокрита об атомном строении вещества».

Ч. Дарвин ввел понятие «эксперимент дурака». Он попросил своего сына поиграть на фаготе около растения. Это был эксперимент «на авось», без цели, не по правилам: «дураком закон не писан, если писан, то не читан, если читан, то не понят, если понят, то не так». В конце XX века ученые В. Фетисов, В. Пушкин, Бакстер убедились, что гипотеза Ч. Дарвина верна: растения реагируют, если рядом с ними человек испытывает чувство страха, боли и др.

Каждый ли человек, посвятивший себя науке, может высказывать гипотезы? От чего зависит эта способность? Американский психолог Торренс еще в 1965 году создал тест на определение творческих способностей. Оказалось, чем старше студент, тем меньше у него проявляется гибкость мышления, оригинальность суждения и легкость высказывания мысли. Как же развивать открытость интеллекта и его гибкость? Некоторые считают, что творчество, научный поиск напрямую связаны со способностью к фантазии. Л. Толстой, Гёте, А. Эйнштейн полагали, что условием вдохновения является способность сохранить в себе наивный детский подход к миру. А. Франс: «Дети — непризнанные гении». Неслучайно многие открытия были сделаны в раннем возрасте С. Вавилов в пятом классе выполнил первую научную работу о свете. Конструкция Останкинской башни была подсказана Сережей Волковым, который построил игрушечную башню из катушек, а чтобы она не рассыпалась, продел внутрь веревку и натянул ее.

Ученые полагают, что удлинение периода детства — это великое завоевание цивилизации. Наши нынешние «старческие» дети — это тревожный сигнал о возможном застое научного поиска для целого поколения.

Гибкость мышления детей может стимулировать такую же гибкость и у взрослых. В истории науки известны открытия, сделанные под влиянием детских игр. Предположительное знание как бы направлялось детским игровым сценарием. Например, З. Ясен изобрел микроскоп, увидев, как его сын играет с двумя линзами, вставленными в разные концы трубки. Р. Лаззанек изобрел стетоскоп, увидев, как дети стучат по бревну и слушают его с другой стороны.

Не только игра в чистом виде стимулирует мышление, но и все, что имеет в себе ее элемент. Например в 1911 году Г. Котельников предложил прятать парашют в ранец. Его надоумил случай, он увидел, как большой шелковый платок умещается в дамской сумочке.

Мобильность интеллекта — одна из методологических предпосылок научного поиска: взрослые стесняются полета мысли, причем полета нестандартного. Особенно у нас, где масса проверок и контроля с отчетностями. Наука же всегда идет от неопределенного к фантастическому, затем к бесспорному и общепризнанному.

Гипотезы могут быть описательными и объяснительными. В истории науки описательные гипотезы часто воспринимались как тупиковое рассуждение, заблуждение. Но это не всегда так. Например, алхимия родилась еще в начале нашей эры в Египте. Арабы ее назвали понятием — аль химия. В основу они взяли убеждение, что все металлы одушевлены. Первым приверженцем алхимии на востоке был Авиценна Пристрастие к ней имели Д. Бруно, Г. Лейбниц.

В чем суть гипотезы алхимиков: философский камень может излечивать болезни, возвращать молодость, превращать в золото простой металл. Сама идея алхимиков создавать из одного другое не утопично. Сама идея верна, неверно лишь то, что ее пытались осуществить на молекулярном уровне. Но то, что невозможно сделать химическим путем, возможно на атомном уровне. Недаром Э. Резерфорд свой эксперимент бомбардировки атома азота назвал «современной алхимией».

Узоры на ладони привлекали внимание Аристотеля, Парацельса, Ньютона. Выдвигалась гипотеза о связи между ними и жизненным путем человека. Лишь в 1926 году на сессии анатомов это предположение получило научное определение «дерматоглифика».

Ученого характеризует забота об истине, а не критика коллеги который пошел нестандартным путем. Описательная гипотеза ничего не объясняет, это делают объяснительные гипотезы. Надо уметь их дифференцировать.

Из истории науки известен следующий факт. В 1930 году всемирно известному П. Ланжевену была направлена на отзыв диссертация молодого де Бройля. Ученый написал в отзыве: «Идеи диссертанта, конечно, вздорны, но развиты с таким изяществом и блеском, что я принял диссертацию к защите».

Неумение понять суть описательной гипотезы может привести к противостоянию ученых, обострению ситуации. Дж. Свифт писал: «Когда в мире появляется истинный гений, вы можете с легкостью узнать этого человека по многочисленным врагам, которые объединяются вокруг него».

Каковы методологические параметры гипотезы? Они связаны с уровнем ее состоятельности. А чем определяется состоятельность гипотезы?

1) Она не должна противоречить принципам философии. Однако требование непротиворечия принципам философии, диалектики должно быть конструктивным. Например, момент идеализма, в гипотезе не означает, что ее надо отбросить полностью. Д. Блохин-

цев писал: «нельзя из-за одного идеалистического таракана выбрасывать весь котел с хорошим борщом».

2) Следует учитывать все установленные ранее в науке законы. Учитывать, а не согласовывать. Новое знание, которое не укладывается в старые рамки, надо уметь объяснить. В этом и состоит назначение объяснительной гипотезы. Причем, по признанию ученых, чем дальше опыт от привычного, тем ближе он к Нобелевской премии. Редактор «Физического журнала» Д. Дайсон признается, что принимают к публикации лишь три статьи, которые нельзя понять «Великое открытие, когда оно появляется, почти наверняка возникает в запутанной и бессвязной форме. Самому открывателю оно понятно лишь наполовину. Для всех остальных — оно — полная тайна. Поэтому любое построение, которое не кажется на первый взгляд безумным, не может иметь надежды на успех».

3) Объяснительная гипотеза должна объяснять все факты, для объяснения которых она выдвигается. То есть она должна работать. Иногда ее так и называют «рабочая гипотеза». С развитием знания сам процесс выдвижения гипотезы включает новые теоретические процедуры. Например, в современной физике широко применяется метод математической гипотезы.

4) Гипотеза должна быть принципиально проверяемой. Не следует путать принципиальную непроверяемость с исторической непроверяемостью, то есть связанной с данным уровнем знаний.

5) Гипотеза должна строиться по принципам невозможной простоты, то есть в ней не должно быть искусственных построений.

6) Гипотеза должна быть логически непротиворечивой. Здесь мы сталкиваемся с логическими основами науки. Рассматриваем науку как прикладную логику.

Хорошо определил роль гипотезы Д. И. Менделеев: «гипотезы дают стройность и простоту. Лучше держаться такой гипотезы, которая может оказаться со временем неверной, чем никакой».

Выдвижение гипотезы не означает ликвидацию проблемы или смену ее. Гипотеза противоположна проблеме как ответ на нее, но она формируется внутри проблемы. У гипотезы нет иного бытия, кроме сферы самой проблемы. Гипотеза является формой решения проблемы, формой создания теории.

3) Теория

Проверка гипотезы дает два разных результата: либо опровергается, либо доказывается. В последнем случае она превращается в теорию. Чтобы подойти к определению, что такое теория, надо рассмотреть соотношение понятий ЧУВСТВЕННОЕ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ, РАЦИОНАЛЬНОЕ И ТЕОРИТИЧЕСКОЕ.

Эмперическое — это процесс чувственного познания и рационального его описания. Эмпирическое помогает выявить повторяемость и общность, но не выявляет необходимости.

Теоретическое — это высшая ступень в изучении повторяемости, раскрытие необходимости. С логической точки зрения, эмпирическое и теоретическое — это уровни знания. Одно несистематизированное, другое — систематизированное. Признаком является необходимость и закономерность.

Гипотеза — это нижний предел теоретического, где оно состыкуется с эмпирическим. Верхний предел теоретического — теория. Теория — это обоснованное, систематизированное знание сущности, закона.

Грань между эмпирическим и теоретическим может меняться в зависимости от методов познания. Как-то осматривая обсерваторию в США, А. Эйнштейн задержался у телескопа. Зеркало имело в диаметре 2,5 метра. Его жена — Эльза — удивилась размерам. Ей объяснили, что это нужно, чтобы узнать строение Вселенной. На что же на великого физика ответила: «А мой муж делает это на обороте старого конверта». То есть математический метод исследования, который применял А. Эйнштейн, был более результативен и эффективен, чем сложный прибор. И это подвигало его к теоретическому обобщению надежнее и быстрее.

Мы сталкиваемся с взаимоотношением науки и власти. Известно, что арабские цифры были придуманы во 2 веке до н. э. Но в Европу они проникли только в 13 веке. А в Австро-Венгрии еще в 18 веке действовал указ, запрещающий использование арабских чисел. Насколько же веков затормозилась научная мысль от таких идеологических запретов.

Формализация является одним из условий развития теории. Формализация — это перевод содержания с одного языка на другой. Формальные символы позволяют экономно выражать словесные описания. В данном случае арабские цифры были более просты, чем римские.

В развитии теории возможны противоречия, которые выводят нас на разговор о методологии риска. В. Гайзенберг считал, что ученый вправе обсуждать лишь то, что поддается эмпирическому испытанию. А. Эйнштейн, наоборот, полагал, что «теория решит, что можно наблюдать», то есть теория предшествует факту. Идея относительности у него возникла из других идей, а не из практики.

Методология риска состоит в том, что в решающих точках роста наука вводит нелепые сущности, абсурд. П. Капица считал, что «элемент абсурда должен присутствовать в науке». Помните знаменитое «Верую, ибо абсурдно!» Зайдя в тупик, ученый может выйти из него, только впав в ересь. Н. Бор объяснял притягательную для молодежи силу его семинаров тем, что «мы не боялись показаться глупыми». История познания свидетельствует, что

переход к новым рубежам противоречивый. Новые теории оцениваются сначала как бесполезные или вредные. Гегель: «Истина рождается как ересь, а умирает как заблуждение».

Здесь коренится возможность трагического в науке. В Майер, врач, подвергался гонениям за то, что открыл закон физики — закон сохранения и превращения энергии. Его затравили до того, что он выбросился из окна, остался хромым, перенес воспаление мозга, был помещен в психиатрическую больницу. Он не выдержал и отрекся от открытия. Это был конец XIX века. В начале XX века (1913 г.) покончил жизнь самоубийством затравленный изобретатель двигателя внутреннего сгорания Р. Дизель. Л. Пастера за идею о том, что бактерии являются причиной инфекционных заболеваний, вызвали на дуэль. В 1985 году изобретатель искусственной крови профессор Ф. Белоярцев повесился, не выдержав организованного преследования.

Мы отметили выше, что теоретический поиск нельзя сводить к простому индуктивному обобщению данных опыта. Здесь мы подходим к рассмотрению теории с другой стороны. Английский физиолог Э. Стерлинг заметил: «научное исследование — самая великая игра». Нобелевский лауреат, изобретатель пенициллина А. Флеминг признавался: «моя профессия — игра в микробы».

Почему ученые обратились к понятию игра при характеристике научной деятельности? Потому что в игре создается искусственная ситуация, которая регулируется особыми правилами. Ученый тоже творит свою реальность, в которой работает и руководствуется своими законами, в ней установленными. Я. Смородинский: «Хотя в каждый данный момент наука представляется очень стройной и непоколебимой, на самом деле она полна условностей, как театральная сцена». Американский физик Д. Бом пришел к выводу, что понятия «теория» и «театр» происходят из одного корня, и поэтому теория — это прием вживания в мир определенных явлений, так же как актер вживается в мир своего героя. Метод синетика в науке появился именно как метод вживания в объект исследования.

Теория имеет еще одну эстетическую характеристику. Известно, что ученые старались найти наиболее эстетическую форму выражения теории. П. Дирак признавался: «Наша Вселенная построена на математических основаниях... когда законы природы выражены в математической форме, они обладают красотой в очень высокой степени». Действительно, достоверная теория красива, но не обязательно всякое красивое теоретическое построение — истинно.

Обобщая сказанное о теории, следует отметить, что значит создать теорию? Решить проблему — это значит создать теорию. Гипотеза же по отношению к теории являтся недоказанной теорией.

Научный поиск не заканчивается выработкой теории. Она может быть внедрена в практику или использована для решения других проблем. Социологи США подсчитали, что лишь 8% научных работ дают практические результаты. Но и это выгодно, поэтому каждая крупная фирма держит проблемную лабораторию. Они уходят в дальний научный поиск даже с риском не получить ничего.

Здесь интересно выявить еще одно противоречие. Научный поиск наиболее результативен, когда он не стимулируется потребностями фирмы: 65% открытий ученые сделали из простого любопытства. Лишь 29% открытий связано с ориентированным поиском, и только 8% — это результат планированного, нацеленного поиска. Именно такая ситуация помогла ученым найти новый метод научного поиска — обходное мышление.

Эти выводы дают нам возможность перейти к заключительной части — анализу прогноза.

4) Прогноз

Прогноз, как и гипотеза, связана со способностью к фантазии. Идеи ученого вызревают в фантазиях. Вспомним 13 век в Европе, полоса застоя бытия и мысли. В глухом монастыре в Англии алхимик Роджер Бэкон мечтает о том, каким будет будущее: корабли без гребцов, колесницы без лошадей, люди полетят, как птицы. За одно свое пророчество он поплатился. Он научился делать очки и за это 14 лет провел в одиночной камере монастырской тюрьмы, куда его упрятали за связь с дьяволом.

XV век, Леонардо да Винчи и его мечты о вертолете и планере, экскаваторе, швейной машине, парашюте и др. Как возникает предсказание — это особый раздел, который остается для нас тайной, поскольку в нашем знании еще нет способов, методов проникновение в непознанное.

Предсказание — это не конец научного поиска, а исходный пункт нового исследования. Предсказание, прогноз может возникнуть на разных этапах — проблемном, гипотетическом, теоретическом. Предсказать — значит рассказать о событиях до момента их совершения. По своей природе предсказание — это присущее живому умение к опережающему отражению. Это активная конструктивная деятельность, благодаря которой воссоздается, то, что еще не произошло. Логически — это выводное знание относительно ненаблюдаемого явления. Это такое выводное знание, когда на основании определенных посылок делается заключение относительно возможности наступления события с определенной долей вероятности. В предсказании ученый имеет дело не с достоверным, а с вероятным знанием.

Что представляет собой предсказание с гносеологической точки зрения? Основанием для предсказания может быть лишь систематизированное знание, знание законов. Признание материального единства мира требует поиска материального основания. Принцип детерминизма позволяет обнаружить случайные и устойчивые связи. Знание законов диалектики позволяет усмотреть прямо противоположные тенденции. Предсказание может быть детерминированным или интуитивным. Последний тип предсказаний совершенно необъясним в терминах, известных современной науке. Если предсказание основано на законе, оно относится к разряду детерминированных. Если оно как бы перескакивает через него, основываясь на еще неведомом, то это предсказание интуитивное.

Предсказание может быть негативное или позитивное. Позитивные предсказания описывают открытия и указывают, какие свойства могут быть. А негативные наоборот, указывают на то, что не будет.

Значение предсказаний состоит в том, что они дают возможность планировать научную деятельность. Ценность предсказания определяется двумя параметрами: степенью точности результата и экономией. В науке, как мы отметили, есть свои методологические принципы: та теория лучше, которая ведет к истине самым коротким путем.

Предсказания могут быть заблуждениями Г. Герц, обнаружив электромагнитные волны, доказывал невозможность беспроволочной передачи сигналов. К. Рентген не обещал практического использования своим лучам Э. Резерфорд, создав теорию радиоактивности, считал вздором попытку извлечь энергию из атома. И на оборот, теоретик может заблуждаться относительно научной значимости своих открытий, например, идея научного коммунизма.

Каковы же методологические требования к предсказанию?

1) логическое должно обгонять материальное,

2) логическое должно соответствовать материальному,

3) наличие достаточного основания, логически непротиворечивой системы знаний, не обязательно проверенных на практике (иначе уйдет время).

4) чтобы предсказание выполнило свою эвристическую функцию, оно должно осуществляться в атмосфере духовной свободы. Запреты недопустимы.

На этом принципе основаны такие современные методы научного поиска, как брейнсторминг (мозговой штурм) и синектика.

Заключая лекцию, обращаю Ваше внимание на то, что методы и формы научного познания, как и само познание — неисчерпаемы. Здесь обозначены лишь те, которые известны нам, живущим на пороге XXI века.

Новые время, новые поколении ученых, методологов найдут и новые, неизведанные тропы, которые кратчайшим путем приведут их к истине. На первой лекции мы констатировали прозрачность границ научного и в ненаучного поиска. Сейчас идет активный процесс консенсуса, а не «голого» отрицания, свойственного идеологизированному обществу.

Нейро-лингвистическое программирование (НЛП) Д. Бэндлера, дианетика и саентология Р. Хаббарда, изменение состояний сознания С. Грофа, концепции Ф. Перлза, Ч. Тойча, Д. Андреева частично уже вошли в учебники по философии и являются предметом пристального интереса и изучения философов, психологов, педагогов, медиков.

В.Г. Голованова

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО «ОСНОВАМ ФИЛОСОФИИ»

Сдано в печать 23. 07. 99. Форматы 84 x 108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Объем 7,0 п. л.
Тираж 3000. Заказ № 1223.

Отпечатано в АО «Учкун»,
г. Бишкек, ул. С. Ибраимова, 24.

350-00

87
Г 610